

ОЛЕГ ИГНАТЬЕВ

УДАР СКОРПИОНА

РОМАН

(Журнальный вариант)

В “московской пирамиде” можно бить по любому шару.

Из правил игры на бильярде

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

“Вчера поблизости от Авиньона, в небольшом французском городке Лакосте, где находится замок знаменитого маркиза де Сада, был задержан человек, подозреваемый в убийстве российского бизнесмена господина Шевалье. Покойный активно содействовал при жизни успешному развитию детского и юношеского спорта в России”.

Голос телевизионного комментатора новостных известий был утомлённо-ровным и мог бы показаться скорбно-сочувствующим, если бы не насморочный прононс, придававший смыслу сказанного оттенок мрачной скуки.

Андрей ещё раз взглянул на беспросветное лицо телеведущего и переключил канал. Вот-вот должен были начаться полуфинальный матч чемпионата

ИГНАТЬЕВ Олег Геннадьевич родился в 1949 году на Южном Сахалине. Окончил Ставропольский медицинский институт и Высшие литературные курсы. Лауреат ряда литературных премий, в том числе премии журнала “Наш современник”. Автор двенадцати книг поэзии и прозы, среди которых несколько романов: “Магия крови”, “Пекинский узел”, “Ключи от Стамбула” и “Константинопольский крест”. Член Союза писателей России. Живёт и работает в Москве.

Испании по футболу. Пока по экрану раскатывали на роликовых коньках бутылки с “витально-энергезированной” бормотухой, рекламируя новый “стиль драйва”, Андрей сходил на кухню, достал банку ирландского пива и перелил содержимое в бокал. Пить из банки он отвык с тех пор, как стал встречаться с Дашей. Её отец при личной встрече намекнул, что питаться в “Макдоналдсе” и глотать пиво из банки неприлично. У него самого, в отличие от Даши, отца не было, а подсказать, что эстетично, а что — нет, никто не догадался. Разумеется, отец у него был, но вскоре после рождения Андрея он погиб в Афганистане.

С годами Андрей осознал, что свобода действий и отсутствие мужской, строгой опеки самым наилучшим образом соответствовали его самостоятельной натуре. Уже к десятому классу он понял, что юность — период напряжённых исканий, духовных и нравственных, борьба с уловками ума, попытка разорвать путы лицемерия и ханжества, которыми опутана жизнь взрослых, бунт против диктата лжи и прагматизма с их жёстким каноном подчинения не лучшему, а сильному, ослепленному властью и наглостью.

Андрей отхлебнул пива, кинул в рот несколько фисташек и уселся в кресло перед телевизором.

Глава вторая

“Красота футбольной комбинации будет видна и понятна многим только в том случае, если мяч оказался в воротах, — не уставал повторять когда-то его первый тренер. — Это так же верно, как и то, что на футбольном поле много лжи и лицемерия. Это знают игроки, это знают судьи, но возмущаются этим лишь болельщики. Им невдомёк, что самые безжалостные удары наносятся исподтишка”. И ещё он говорил, что футболисту, прежде всего, надо научиться думать. “В футболе нельзя обезьянничать. Надо самому кумекать, позиционировать себя, давить клопа”, — часто повторял Валерий Сергеевич.

Что значит “давить клопа”, Андрей не спрашивал. Какая разница? Ясно, что надо самому играть, ни на кого не глядя. Дело трудное и зачастую наказуемое. Это он уже усвоил. Так же, как усвоил уроки игры на бильярде, которые ему преподавал сосед по лестничной площадке Израиль Кельманович Немзер. Показав несколько основных подходов к столу, он удивлённо хмыкнул, когда Андрей отправил в лузу сразу несколько шаров.

— Ты как барс перед прыжком, — сказал с похвалой в голосе. — Нюх у тебя бильярдный. Прицел верный.

— Научусь играть? — поинтересовался Андрей, втайне желая услышать утвердительный ответ.

— Вполне! — заверил Немзер. — Хочешь, я тебе удар скорпиона покажу?

— Хочу! — нетерпеливо согласился Андрей, стараясь как можно больше узнать о “фишках” мастеров.

Израиль Кельманович, оставив два шара на одной линии, коротко ударил. Биток, подстёгнутый “щелчком”, направил “чужой” шар в лузу, а сам покатился назад. Медленно вращаясь, он остановился там, где находился до удара. Повёл себя, как бумеранг.

— Попробуй. — Израиль Кельманович, приставил кий к столу и вышел из зала. Вскоре он вернулся с чайным стаканом, доверху наполненным водой.

— А теперь, — торжественно заговорил он, — смертельный трюк. Волшебный номер. Ставим сей драгоценный сосуд в центр стола, берём забытый нами кий и просим слабонервных покинуть шашито.

Андрей живо убрал лишний шар. Немзер выставил левую руку, уперся пальцами в сукно, прицелился и резко щёлкнул.

Андрей невольно вздрогнул, представив, как разлетается стакан на радугу осколков и разливается вода, но никакого форс-мажора не случилось. Ни капельки влаги, ни единого стёклышка. Шар стремительно подлетел к стакану, чмокнул его в бок и покатился назад.

— Удар скорпиона, — с явным удовольствием объявил Израиль Кельманович, как объявляют выход на арену звезды цирка.

— Цимес! — выразил своё восхищение Андрей. — Офсайд и аут.

Израиль Кельманович подмигнул.

— Можно гастролировать и делать деньги.

В отличие от многих молодых москвичей с типично столичным представлением о престижности той или иной профессии, Андрей не считал занятие спортом, тесно связанным с тяжёлым физическим трудом, чем-то унизительно-пошлым, “колхозным”, откровенно “отстойным” в эпоху финансовой экспансии и деловой предприимчивости. Дети солидных родителей не стеснялись признавать, что надеяться на собственные силы — слишком рискованно в мире корпоративного диктата и потребительских запросов. Бегать за мячом по полю в жалкой надежде забить гол и получить подачку в виде примитивного оклада или премиальных — что может быть глупее и бездарнее? Только игра в “жмурки”. Но Андрей прекрасно понимал, что в мире клановых сцепок он был бы в лучшем случае обыкновенным клерком, безродным и смешным в своих честолюбивых претензиях, мелким служащим в храме чистогана. Нет, когда твоими поручителями выступают гордость и бедность, никто тебе не предоставит золотой кредит доверия и не введёт в круг избранных. В общем, у Андрея был футбол, друзья, приличные деньги, крепкое здоровье и фонтанирующее честолюбие. Иногда он вспоминал, что ему уже восемнадцать лет, что пора жить по-взрослому, по-своему, но как это — “по-своему” — слабо себе представлял. Хочешь достатка — удиви богатых. У тебя ничего нет? Реши, что тебе нужно, и добейся этого. Золотое правило успеха.

Глава третья

Не успел Андрей открыть на звонок дверь, как в прихожую ворвалась Даша, резко подалась к нему и сделала движение рукой, словно подхватила теннисный мяч, зажав его в ладони. Андрей инстинктивно сжал колени и согнулся, прикрывая пах. Даша рассмеялась.

— А, боишься!

— Хулиганишь? — он перехватил её запястье и потянул к себе. Даша запрокинула лицо для поцелуя.

Юношеская привлекательность Андрея действовала неотразимо как на сверстниц, так и на девушек постарше, студенток, вполне зрелых и лукаво-опытных в тех играх, что завещала женщинам богиня любви Афродита.

— Я тащусь от тебя, — переведя дыхание, призналась Даша. — Чем дольше я с тобой, тем больше.

Ужин она начала с десерта и, с удовольствием уписывая клубнику, принялась расспрашивать Андрея о новостях “на футбольном фронте”, о предстоящем матче, кто сильнее: москвичи? казанцы? — и весело смеялась, выслушивая забавные истории из жизни его новых друзей, уставших, как и он, от всевозрастающих нагрузок и тренерских “накруток”.

Когда Андрей сказал “прошу заметить”, Даша захлопала в ладоши.

— Класс! Ты как наш профессор по дизайну. “Прошу заметить”.

Андрей нахмурился: он не любил сравнений подобного рода. Ревновал.

— Ну, рассказывай, рассказывай, — поторопила Даша. — Про челов и фанов.

— Так вот, — продолжил разговор Андрей. — Самые правильные фаны — менеджеры среднего звена. Для них просить автографы у футболистов — себя не уважать.

— Слишком попсово?

— Да. Они не нажираются до поросычьего визга, не корчат из себя гениев дзюдо, устраивая махаловки в общественных местах, и вообще им завтра на работу — строить подчинённых, пригребать хозяйские бабки и заводить гарем.

— А у тебя гарема нет? — репём вцепилась Даша в его фразу.

— К сожалению, — притворно опечалился Андрей. — Ты у меня одна.

— Смотри, — она поднесла к его носу кулак. — Узнаю — зашибу.

И так это было сказано, что Андрей расхохотался. В это время раздался звонок.

— Сама, сама, — подхватила Даша, хотя раньше к телефону не бросалась.

— Да, — прижала она трубку к уху. — Нет, всё верно. Да, квартира Куренцова. Хорошо, сейчас. Это тебя. — Андрей взял трубку.

— Куренцов.

Голос телефонного визави был ему неизвестен.

— Простите за звонок, но вот в чём дело. Вы завтра вылетаете в Казань, встречаетесь с местным “Сапфиром”?

— Должны, — уклончиво сказал Андрей и поинтересовался, с кем имеет честь говорить.

— В принципе, это неважно. У нас есть предложение: постарайтесь завтра не светиться на табло. Вы меня поняли?

— Допустим.

— По возвращении получите презент.

— Да я в нём не нуждаюсь.

— Я вас понимаю. Все будет тип-топ и строго анонимно.

Подобный звонок уже был. Перед встречей с питерской “Плеядой”. Ему даже бросили в почтовый ящик банковский чек на десять тысяч евро, но он его тут же порвал на мелкие кусочки, чтоб зарубили на носу: Андрей Куренцов не продаётся.

— Простите, — сказал он незнакомцу, — у меня так много подобных предложений, что выполни я даже часть таких просьб, я не забил бы в матчах премьер-лиги ни одного мяча. — Сказал и засмеялся.

— Вы намекаете на сумму в пять нулей? — озабоченным тоном спросил незнакомец.

— Я ни на что не намекаю, — мрачным тоном ответил Андрей и положил трубку. — Мне это просто не нужно.

— Что не нужно? — вцепилась в него Даша. — Я хочу знать.

Андрей передал суть разговора.

— Вот собаки! — возмутилась Даша и отошла к окну. — Совсем за людей не считают.

— Как раз наоборот, — усмехнулся Андрей. — Всем прочим деньги не нужны. Даже обезьянам, больше всех похожим на людей. — Подумав о том, что звонок может повториться, он прошёл к телефону и заблокировал свой номер. Теперь хоть обзвонитесь.

— Ты квартиру закрыл? — озаботилась Даша. — Вдруг начнут ломиться?

— Не переживай. Такого быть не может.

— В жизни всё может быть. — Она указала на левую грудь. — Что-то у меня вот здесь нехорошо. Расстроилась ужасно.

— Было бы из-за чего! — отмахнулся Андрей. — Их дело — предложить, моё дело — отказаться. Как говорит Джозеф Норбейн: “Все гражданские свободы сводятся к одной: к свободе купли-продажи граждан”.

— А он кто, этот Джозеф Норбейн?

— Английский футболист, писатель.

Видя, что она внимательно смотрит на него, Андрей принялся посвящать её в околофутбольные тайны. Выяснив всё, что ей было интересно, Даша чмокнула свою ладонь и сдула в его сторону воздушный поцелуй.

— Ты лучше всех.

— А если это так, — поднялся из кресла Андрей и глянул на часы (пятнадцать минут первого), — любимый тренер может спать спокойно: ничего страшного его команде не грозит.

Когда он выходил из ванной, Даша повисла на нём сзади.

— А покатать меня слабо?

Он молча подхватил её под колени и так, на закорках, донёс до постели.

Глава четвёртая

Утром машина не завелась, хотя считалась новой. Её движок всегда работал, как часы, ходовая была безупречной. Свой жёлтый “JAGUAR — KUMO VENTURE ST” — двухдверный спортивный “XJS V 12” — Андрей купил полгода назад на призовые, когда в составе молодёжной сборной выиграл международный турнир имени Гранаткина, и считал его вполне надёжным аппаратом. Радовался своему первому автомобилю, как дитя соске. При первой же возможности загонял на мойку, любовался шарабанными колёсами — со спицами. А вот теперь “JAGUAR” козлил, не заводился. Хмыкнув и откровенно расстроившись, Андрей захлопнул дверцу, убедился, что замки сработали, и направился к метро.

— Клёвые у тебя кроссовки, — заметил Иван Милованов, здороваясь с Андреем возле клубного автобуса с броской надписью “Армада”.

— “Адидас”. Последней выпечки.

— Понятно, — тоном обзавидовавшегося человека протянул Иван и привычно уместился рядом. Впереди уторкался Ефим Леман, центральный полузащитник, в соседстве с правым хавом Саттаром Гюльязиловым — азербайджанцем из города Ханлара. “Как ты оказался в Москве?” — спросил его как-то Андрей, и он отшутился: “Сел не в тот поезд”.

И Саттар, и Ефим с Иваном, так же, как и Андрей с вратарём Глебом Семенихиным, — все они почти одновременно подписали контракт с “Армадой”, приняв предложение главного тренера.

Чуть выше среднего роста, крепкий, ладный, с правильными чертами лица и живыми карими глазами, Николай Николаевич Кучер на первом же собрании команды жёстко заявил: “Всякий, кто посмеет во время игры действовать в собственных интересах, всякий, кто будет вносить раскол в команду, лодырничать и конфликтовать, тотчас получит открепительный талон под зад коленом”.

“Круто”, — подумал Андрей, испытывая оторопь от столь высоко поднятой планки и гордость за того, кто дерзнул это сделать. Хотя чего робеть? Не далее, как три года назад он искренне считал, что попасть в молодёжную сборную страны, поехать на чемпионат мира и выиграть его — просто нереально. А всё же понал и выиграл. Да и вообще, могущество команды всегда достигается ценой чрезмерно напряжённых тренировок, а главное, сплочённости, подлинного единения, но повара отечественного футбола часто забывали, что качественная пицца может быть дурно приготовлена. Даже результативная игра способна вызвать скуку. Если продаются игроки, значит, продаются судьи и покупаются победы. А кто кому и сколько заплатил — какая разница? Кучер сам в сердцах однажды рубанул: “Футбол задуман, как прекрасная игра, а превратили его в балаган, в параллельный мир со своим отстоем!”

Иван Милованов толкнул Андрея в бок.

— Хорошо, что наши олигархи гоняли в детстве мяч, иначе многие из нас оказались бы на улице или подались в стриптизёры.

Кстати, “стриптизёром” он за глаза называл Саттара, любившего срывать с себя футболку после забитого гола. Ефим Леман засмеялся. Смешливый, бойкий, не питавший иллюзий, свойственных молодости, он был замечательным товарищем и великолепным опорным полузащитником. Прекрасно разбирался в хитроумных комбинациях соперников и мгновенно предпринимал контрдействия. Как напарник был незаменим. На два года старше Андрея, Ефим частенько выступал в роли “учителя жизни” и страшно обижался, когда к его советам не прислушивались. “Оттого нам, евреям, так трудно, что никто не хочет говорить по-русски”, — жаловался он вслух и минуты две предавался вселенской скорби, уподобляясь витязю на распутье. На более длительное осознание мировых проблем его не хватало. Наследственное жизненное и заводной характер мешали ему войти в образ несчастья Иова, о котором он всегда говорил с почтением, как о ближайшем родственнике.

— Все на месте? — зычным голосом поинтересовался Кучер и, убедившись, что команда в сборе, занял свое персональное кресло. — Поехали.

Автобус направился в аэропорт.

Глава пятая

Несмотря на летнюю жару, в салоне самолёта было зябко. Может, оттого, что все пассажиры одновременно включили вентиляторы, может, оттого, что очередной футбольный чемпионат напоминал собой московскую зиму — слякотную, длинную, уныло-беспросветную. Федерация футбола тонула и пускала пузыри, как турецкий флот при Чесме, окутанная гарью скандалов и потрясённо взвращающая на гремучие столбы огня — это одна за другой взрывались пороховые бочки разоблачительных статей. Спорткомитет напоминал собой заезжий балаган, в котором разыгрывались комедии, вызывающие ужас. Увы, но это так. В России, где издревле любили сходить к стенке на стенку, выказывая удал молодецкую да силушку богатырскую, в стране, можно сказать, традиционно бойцовой, бойцов не осталось. Произошла перемена. Те спортсмены, кто ещё держался на ногах, свалили за бугор, по футбольному полю ползали навозные жуки, натянув на головы футболки. Скука смертная. И трибуны стадионов заполняли те, кому деваться было некуда, кому и летом знобка — приходилось посылать гонца. Московский турнир напоминал перебранку четырёх братьев. Старшему отец сам подыскал невесту, а остальные лаялись, мол, поделись с нами.

Отец повел их, костерил, обзывал лежебоками, но братья ещё пуще кобенились и раздражались из-за своей горемычности. Им разумно предлагали погодить, поднабраться силёнок, чтоб “женилки”, стало быть, соответствовали данному обряду, но они ещё больше ярились — страшен был скрежет зубовой. С бедной футбольной братией, с московскими клубами, случилось нечто похожее, если не хуже. Чемпионат с участием столичных клубов представлял собой своеобразную пирамиду, право разбить которую оспаривали все. Любовь к спорту окрыляет, но не настолько, чтобы оторваться от земли.

Казань встречала гостей ясной солнечной погодой и радостным настроением тех, кто поспешал на стадион. Весёлый, необычный день сегодня в городе. Местный футбольный клуб “Сапфир” — прошлогодний чемпион России — принимал у себя дома московскую “Армаду” — команду яркую, дерзкую, юную. Уже с полудня все улицы, бульвары и тротуары, ведущие к стадиону “Центральный”, заполнились людьми. “Как вы думаете, — спрашивали одни у других, — кто выиграет? Мы у гостей или гости у нас?” “Смешной вы дядя, — слышался ответ. — Тут и гадать не надо. Всё будет так, как было сказано по телеку: “Казанцы ждут гостей, чтоб показать им класс игры””.

Минута в минуту, ни раньше, ни позже, на трибуны стали пропускать болельщиков — лохов ряженных и правильных фанов: “попугаев”, “громил” и просто классных чуваков. Местную братву и шелупонь. До слуха то и дело долетали фразы вежливых до приторности контролёров: “Канай, придурок! Объясняю. Вход только по билетам”.

Ровно в пять часов полудни проходы закрылись. После вступительного слова комментатора, в чрезвычайном напряжении и плохо скрываемом волнении, под грохот, звон и запыленный вой на поле появились команды.

Андрей переминался с ноги на ногу и с нетерпением ожидал, когда диктор назовёт его фамилию. Стройный, высокий, с голубыми выразительными глазами, он казался самым опытным и уверенным в своих силах игроком команды. Его замечательный рост метр девяносто, атлетическое телосложение, длинные мускулистые ноги сразу притягивали к себе взоры тележурналистов и фотокорреспондентов. Чувствовался его искренний интерес ко всему происходящему на стадионе, хотя сам он, возможно, не вполне осознавал это. С твёрдой уверенностью он мог сказать о себе одно: его волновала предстоящая игра, увлекала непредсказуемость поединка. Он решительно был готов делать то, чему научен, к чему призван.

В раздевалке Андрей вместе со всеми выслушал последние наставления коуча.

— Эта игра наша, — закончил свою речь Кучер и стал похож на командира подводного ракетноносца, преследующего вражеский линкор. Увидев его в перископ и определив координаты, он сделал всем понятный жест: “Хлеборезки закрыть! Приготовиться к атаке. По движущейся цели — пли!”

Но и тренер казанцев, по всей видимости, потребовал от своих “дворняг” того же самого, поскольку те сразу заиграли с позиции силы, уподобляясь тиграм — яростным и беспощадным.

Их вратарь, поддавшись общему порыву, прыгал, как заведённый, пытаясь достать перекладину, словно испытывал при этом такое удовольствие, о котором даже не мечтал до начала матча.

Казанцы сразу решили загнать москвичей в угол и содрать с них шкуру. Первые пятнадцать минут они просто пёрли буром, отвоёвывая пространство и занимая позиции. Андрей с Иваном дважды прорывались в их штрафную — решительно, бескомпромиссно, по-бойцовски — и создавали серьёзную угрозу для соперников, хотя судья на поле был омерзительно придирчив и напоминал управителя дома, страшно недовольного бесчисленной прислугой и качеством её работы. Он словно мучился ответом на вопрос, что делать, если кто-то не следует закону? Настаивать на исполнении наказания или милосердно закрывать глаза на преступления? Он никак не мог понять, что истину и золото в одном месте не ищут, что надо исходить из блага общества. Коллективная безопасность правомернее личностного своеволия.

На двадцатой минуте Андрей почувствовал, что выдохся. Словно он бежал не от одной штрафной к другой в пределах одного поля, а от ворот Московского кремля до ворот Казанского, дважды, по запарке, добегая до Бранденбургских ворот. А тут ещё солнце палило, отнюдь не по-вечернему. Волны горячего воздуха напоминали ему бурную ночь, проведённую с Дашей. Он глазами стал просить Ивана не ломить, подумать, отдохнуть. Саттар с Ефимом тоже переглядывались между собой, как спецназовцы, проникшие в осиное гнездо наркобарона. Когда Глеб Семенихин отбил мяч на угловой, а затем пропустил гол при добивании, у Андрея запершило в горле, будто он трясся в раскалённом “ПАЗике” по пыльному просёлку.

Казанцы повели в счётё. Ой, что будет! Это на трибунах двадцать первый век, а в спортивных раздевалках — мрачное Средневековье. Со всеми его предрассудками и святой инквизицией.

— Не спа! — заорал Глеб на своих помощников, повинных в том, что профукали острый момент.

Андрей ещё несколько раз бил по воротам, но безрезультатно. За пять минут до окончания первого тайма казанцы удвоили счёт. Страшное дело. Стадион грохотал, как подорванный. Кто-то врубил магнитофон — траурный марш Шопена. “Армаду” откровенно хоронили. Не хватало вытащить в центр поля стол, поставить на него рюмку водки и накрыть чёрной горбушкой, как на поминках усопшего.

И непонятен был весёлый тон диктора, объявившего на весь стадион, что команды удаляются на перерыв.

Глава шестая

У Ник-Ника был вид сутенёра, чья дочь подалась в проститутки.

— Это не игра, а моча гонорейная! Слони дебила! Казанцы молодцы, но у них дыры. Не вольните. Работать надо, жилы рвать. — Он сделал вид, что всё ему ужасно опротивело, и кротким голосом затраханного психиатра, свихнувшегося на почве возвращения кретиннов к полноценной жизни, глухо сообщил, что пора ориентироваться не только в пространстве, но и во времени.

— Второй тайм всегда короче.

Выслушав всё, что он обязан был выслушать в свой адрес, Андрей молча сделал стойку на лопатках и стал крутить педали воображаемого велосипеда — разгружал ноги. В полемику и в разговоры не вступал, хотя давно заметил, что в раздевалке, несмотря на общий гвалт и возбуждение, ему хорошо думается. Видимо, это особое место, намоленное, что ли, сотнями и сотнями спортсменов. Будь это полутёмная каморка выпавшего из всех городских балансов стадиона или фешенебельное кашпце столичного бленд-клуба. Именно здесь, в захудалом или сверхновом средоточии спортивных терминов, едкого пота и дурманящего запаха победы, выплёскивается кипяток

амбиций, обжигаются сердца, плетутся всевозможные интриги. Восторженное поклонение футболу — это где-то там, хрен знает где, а здесь — ходули ярости, подмостки хвастовства, застенки оптимизма и пугающие тени поражений. Инкубатор злости. Решёта сплетен и бесстыдных баек. Здесь летают бутсы, а порой и кулаки. Каждый, кто когда-то выбегал на поле, кому однажды посчастливилось попасть мячом в судью и раза два в ворота, помнит запах раздевалки, сквозняки и сырость душевых. Помнит атмосферу матча. Мучительная жажда обладания доступным женским телом не действует с такой магической силой, как предвкушение то ли пароксизмов счастья, то ли ещё чего покрепче. Страсть вокруг каждого, даже выпавшего из турнирной таблицы футбольного матча настолько перегревается, что карикатурная действительность наслаивается на рекламу пива и бросается в глаза. Так реклама женских прокладок затмевает гнусную реальность, превращая жизнь в пародию. Местные игроки, ослеплённые бенгальскими огнями фанов и возбуждённые ритуальными танцами каннибалов с островов Новой Гвинеи, непонятно каким образом попавших на стадион, ревностно прислушивались к чмокающим звукам откупориваемых бутылок в стане их поклонников и разбегались по полю. Они заранее опьянялись величием тренерских замыслов и далеко идущими планами хозяина команды, чтобы клубы фимиама, расточаемые в их честь, не воспринимались как дымовая завеса бессмыслицы и торжества фальши.

Били бубны, грохотали барабаны, сипели сорванные криком глотки. Все сорок пять минут первого тайма — без передышки. Местные фанаты ликовали. Их речёвки были насыщены убийственной патетикой: “Порвём! Натянем! Сделаем!” Кто-то приплясывал от возбуждения, кто-то стаскивал с себя лишнюю одежду. Жарко. Трибуны извергали огнедышащую лаву сленга и воровской фени. Этим же потоком расплавленной агрессии накрыло и второй тайм. Так прорывает доменную печь.

Завладев мячом и обыграв двух полузащитников, Андрей решил дальше не финтить, а сразу перевести мяч Ивану, но казанский защитник опередил его: подставил ногу, бросил корпус влево и сильным пасом в центр поля заставил своих нападающих рвануться к воротам “Армады”. Андрей, не раздумывая, ринулся назад. Всё то время, пока он внешне казался безучастным к разговорам в раздевалке, он упорнее, чем когда-либо, думал о предстоящем продолжении матча. Он понял, что должен сам придумать что-то остроумное, неординарное, и непременно размочить счёт, а лучше расквитаться полностью. Притом как можно скорее, едва ли не на первых минутах. Иначе можно оказаться на скамейке запасных, вылететь в дубль, а то и вовсе очутиться в каком-нибудь провинциальном клубе без всяких перспектив и приличной зарплаты, если её вообще будут платить. И что тогда? Устраиваться грузчиком на книжный склад? Становиться подсобным рабочим на стройке, вкальвать по ночам, лишь бы иметь возможность играть днём и не прерывать футбольный стаж? Быть в “обойме”, лезть из кожи, чтоб вновь заметили и оценили?

Прокручивая мысли в голове, Андрей вступил в борьбу за мяч, завладел им и погнался к воротам. Куда ткнуться? Куда бежать? Там засада, там “кеша с бугра” — стопперы-защитники. Андрей заметался с мячом, как помешанный, втайне надеясь на чудо. Каждый футболист, геройски завладев мячом, молит, чтобы всех его противников хватил удар и поразила слепота, пусть временная, пусть куриная, но затянула чёрную повязку на глазах! Не хотелось выглядеть бараном, угодившим в волчью яму. И, опять же, стыдно бляеть: “Не фолите!” Наконец, он изловчился, кинул мяч себе на грудь, крутнулся на одной ноге, ушёл от объятий любвеобильного казанца и, подыграв себе, рванул назад — быстрее! — к угловой отметке, заметив, что Иван остался неприкрытым, а Ефим готов “лохматить” сетку. Андрей перевёл мяч на Ивана, тот в одно касание отдал его Леману, который бить не стал, сделал замах и резво “катанул” кругляш Андрею. Класс. Андрей мысленно похвалил Ефима и уже выскочил один на один с вратарём, когда подлый стоппер так саданул по ноге, что Андрей взвыл от боли. Теряя равновесие, он инстинктивно захватил руку громилы, крутанул и шмякнул того оземь.

Разумеется, и сам перевернулся, грохнувшись спиной. Упав, он схватился за колено и жутко заорал: бузить так с музыкой.

Судья цапнул было жёлтую карточку, но, видя искажённое болью лицо Андрея и догадавшись о причине его “некорректного” поведения, показал рукой в сторону ворот “Сапфира”, справедливо назначив штрафной. Казанцы что-то поорали в своё оправдание и скоренько стакнулись в стенку. Кучер крикнул, чтобы штрафной бил Иван.

Вратарь казанцев сдвинулся влево, Иван набежал — стенка распахлась — и по мячу пробил Андрей. Этого никто не ожидал. “Обманку” провели навскидку, с одной переглядки, доверившись себе. Своему чувству. 1:2! Нормально.

Андрей потрепал по шее Ивана, принял поздравления и побежал вдоль бровки, глянув на Ник-Ника. Не влети мяч в ворота, тот съел бы его с протрохами, но победителей не судят, и Кучер обрадовано вскинул кулаки.

Даёшь два-два!

Трибуны пошатнулись. Доменную печь опять прорвало. От рёва тысяч голосов можно было одуреть. Кто-то крутил над головой сорванной с себя рубашкой, кто-то — пёстрой тубетейкой, явно подавая знаки инопланетянам, которые также были не против размахивать флагами, пробовать на зуб ругательства и отбивать такт ногами под разудальный хип-хоп ротозейства. Кто-то неистово скандировал “Фу! вам!”, должно быть, приветствуя китайцев.

Все выглядело так и не иначе.

“Своих” славили до исступления, до умопомешательства. Только теперь клокочущая лава сразу остывала, стоило Андрею овладеть мячом.

Казанский защитник, предупредительный, как девушка с ресепшн пятизвёздного отеля, и расторопный, как вокзальный шаромыга, долго не мог понять, что забыл Андрей в его штрафной площадке? И лишь тогда смекнул, когда остался без мяча, влетевшего в ворота.

Мяч угодил в самую сердцевину атаки, прямо на ногу Андрея, и он воткнул его в ближайший угол. Есть! Бутсы от “Найк”, футболка от “Аدیدас”, а гол от Куренцова.

На табло 2:2.

Огнедышащая пасть стадиона будто захлебнулась, повисла оглушающая тишина, которую тотчас прожгли брызги кипящего металла. Это фанаты “Армады” завопили: “Ура!”

— Ку-рень! Ку-рень!

И началось что-то ужасное. С налётом неизбежной крови. Загрохотали щиты, склёпанные из листовой стали. ОМОНовцы схватились за дубинки. Напуганные их решимостью, бунтовщики притихли — в страшной ярости и лютой злобе.

Казанцы отчаянно сопротивлялись, настойчиво атаковали, но Андрей с Иваном садили и садили по воротам, лупили из всех положений, при первой же возможности и даже не имея таковой. Вратарь соперников растерянно топырил руки, словно прикидывал на глаз, пройдёт или не пройдёт в его малагабаритную “хрущобу” концертный рояль “Блютнер”?

Нет, рояль застрял, зато проскочил мяч, пришпоренный Иваном.

Казанцы повесили головы. Богиня победы, казавшаяся им раньше сытой, деблолой молодкой, торгующей сметаной на рынке, стремительно теряла в весе и вскоре усохла, как египетская мумия, датированная пятым веком до нашей эры.

Три — два. Сушите сопли.

Глава седьмая

Любой футбольный клуб, особенно московский, — это такая постройка, в которой не одна и не две потайные комнаты, не говоря уже о дверцах, замке и ключах. И всеми этими потайными дверцами и потайными комнатами безраздельно владеет тот, кто по праву именуется хозяином клуба и не собирается уступать свою собственность кому бы то ни было. Владеет и ревностно оберегает своё имение от тех, кто нечист на руку. От всяких

там домушников, погромщиков, лихих людей. Порой не спит ночами. Думы думает, дозоры выставляет. Времена-то, сами знаете, какие — рейдерские! То норвежцы прищучат наш сейнер, словно пираты сомалийские, то мы у них под носом косяк сельди выловим. Не то, так это. Все хотят богатства, не понимая, на какие муки себя обрекают.

В российской столице было четыре клуба, участвовавших в турнире премьер-лиги. Первые три — “Литейщик”, “Путеец” и “Зарядь” — держались особняком без малого семьдесят лет, время от времени уступая друг другу царскую корону победителей российского чемпионата и считая своим долгом задвинуть путавшуюся под ногами “Армаду” в самый конец турнирной таблицы. Пшла вон, приبلуда! Кто приобрёл их в частное пользование после развала Советского Союза, по сей день остается неясным, но “Армада” принадлежала Широглазу, крупному отечественному промышленнику и предпринимателю, но не настолько богатому, чтобы его без зазрения совести можно было ущемить словом “олигарх”. Аркадий Львович Широглаз сам играл в футбол за институтскую команду и болел за вечно слабую “Армаду”. Теперь он решил сделать её чемпионом России. И вот вчера его “Армада” показала зубы.

Молодой центральный нападающий Андрей Куренцов, которого заглазно величали “Циркачом”, произвёл фурор, переломив ход встречи и обеспечив команде победу над чемпионом России казанским “Сапфиром” с убедительным счётом 3:2. Аркадий Львович даже руки потёр от удовольствия, когда ему позвонил президент клуба Стародубцев, решивший лично сообщить добрую весть.

— Движемся к цели! Пыхтим.

— Молодца! — на восточный манер похвалил его Широглаз и спросил: — Что ещё?

— За нашего Циркача предлагают хорошие деньги. Тридцатник.

— Отбой.

— Но почему? — удивился президент клуба. — Это солидный куш. Кто-то просто охренел от лишних бабок.

— Я знаю этого “кого-то”. Пятьдесят “миленьких” и баста.

— Так и передать?

— Так и передай. — Аркадий Львович обращался к своему “смотрящему” на “ты”. — Ни центом меньше.

Глава восьмая

Игра с “Литейщиком” не строилась. Андрей завертел головой, ища поддержки, и упал навзничь — его сбил с ног типичный подкат сзади. Явный фол и дежурная грубость, но главный арбитр, явно заряженный на “хитрое” судейство, искал глазами прошлогодний снег. Отвлёкся.

Андрей выругался, преодолевая боль в спине, поднялся и, понутив голову, побежал занимать позицию. Настроение отвратное. Его шикарный жёлтый “JAGUAR”, который пропал со стоянки у дома после разгромного матча с казанцами, так и не нашли. Он понимал, что ему грубо отомстили за его приверженность к честной игре. Страховая компания тянула с выплатой денег, милиция уверяла, что “следствие ведётся”, с угонщиками разберутся. А тут он ещё с Дашкой рассорился.

— Мне не нравится, как ты ко мне относишься! — с обидой в голосе сказала она как-то утром.

— А как я к тебе отношусь? — сонным голосом спросил Андрей.

— Как барчук к дворовой девке. Как в постель, так — оп! — а как жёниться — мамка не велит. — Глаза сверкают — обиделась. Андрей впоплаза посмотрел на неё. Ему стало весело.

— Ты же сама сказала, что Стрелец с Тельцом не уживутся. Зачем же начинать?

— Мы уже начали!

— Ты так считаешь?

— Да!

— Всё, — объявил он обиженно, — мы так не договаривались. — Натянул одеяло на голову и замолчал.

Даша оделась и хлопнула дверью. Больше они не виделись.

Спускаясь в раздевалку, Андрей привычно бросил взгляд на зелёный газон и усмехнулся, вспомнив, что некоторые горячие головы, можно сказать, отчаянные, дерзают сравнивать футбольное поле с шахматным, но это в том случае, если поблизости нет суровых сторонников древней индийской игры, столь же пылких и не менее ревнивых. Если уж с чем и отождествлять поле стадиона, так это с зелёным сукном бильярдного стола, поскольку эти две арены азартного ристалища имеют общий цвет травяного газона, который, как мы знаем, успокаивает даже буйных, а мяч или шар застревают после удара в сетке.

Два дня назад “Армада” устроила кровопускание уссурийскому “Тигру”, перед этим загасила грозненский “Факел” и вот теперь пыталась показать “Литейщику”, как надо варить сталь. Выиграв встречу с казанским “Сапфиром” в гостях и закрепив успех у себя дома, команда Андрея сразу попала в основное число претендентов на турнирное золото. Разумеется, до конца сезона оставалось ещё море времени — целых четыре месяца, — понятно, что большинство кораблей погибает у берега и всякое может произойти, но надежда, словно новорождённый младенец, с каждым днём заметнее прибавляла в весе, активно сосала и марала подгузники. Кучер потирал руки. Его “недотёпы” набирались ума-разума, и он всё реже напоминал им о том, что живущий в долг обязан быть голодным. Для царствования ему не хватало царства — чемпионства. Впрочем, как и любому игроку его команды.

Что мнитесь по ночам слепому? Что он видит. Задумавшись, Андрей пропустил мяч, посланный ему “на опережение”, и услышал свист болельщиков.

— Курень, проснись! — крикнул кто-то с трибуны, и он виновато понурился. Его плохое настроение, обусловленное резким разрывом с Дашей, сильно мешало игре. Но вот судья показал угловой, и вратарь “Литейщика” стал расставлять защитников в своей площадке. Андрей удачно затесался в их компанию и, как только Иван навесил, головой отправил мяч в сетку ворот. Один-один. Куда ни шло.

Он шлёпнул себя открытой ладонью по лбу и вскинул руку, дескать, как же я раньше-то не догадался! Фанаты ответили рёвом.

После игры Иван спросил:

— Что это у тебя глаза в канаве?

Андрей рассказал о ссоре с Дашей.

Иван ободрил:

— Может, оно и к лучшему. Винтовая она девка, с присвистом.

Глава девятая

Разгром, учинённый красно-белой “Армадой” небесно-голубому “Сапфиру” и чёрно-желтому “Литейщику”, стал полной неожиданностью не только для поклонников этих двух явных фаворитов чемпионата страны, готовых перегрызть глотки любым диссидентам, но даже для самых упёртых фанатов молодых триумфаторов. В самом деле, команда победителей по возрастному составу казалась самой “фуфлыжной”, сформированной по принципу “нам ещё расти и расти”, несуразная в своих амбициях, как одежда с богатырско-го плеча, наброшенная на худенькие плечи подростка.

“Блефуют казанцы, блефуют”, — думал главный тренер “сталеваров” и не мог взять в толк, как его “орлы” продули матч “салагам”?

“Блефует “Литейщик”, блефует”, — рассуждал, в свою очередь, тренер клуба “Сапфир”, и оба прекрасно понимали, что больше всех блефует коуч “Армады” — Николай Николаевич Кучер, — ввязавшийся со своими подопечными в неравную борьбу за престижное и оттого недостижимое золото чемпионата. Нет, в самом деле. Золотые медали чемпионов на груди у желторотых юнцов, не способных толком зашнуровать бутсы, это чёрт-те что и сбоку бантик. Картина столь же дикая, сколь и нелепая. “Армада” — чемпион? Это так же трудно представить, как сидячую забастовку карманников,

возмущённых милицейским произволом. Впрочем, “исчо” не вечер. Так или примерно так думали наставники самых сильных и уверенных в себе команд, утешая себя мыслью, что набрать победное число очков “Армаде” не удастся — кишка тонка. Они и в мыслях не могли допустить чужого превосходства, отказывались в это верить с тем же непонятным упорством, с каким дотошные телеоператоры показывали крупным планом пугающий натурализм кучи-малы, когда из-за трусов ушей не видно. Любили футболисты навалиться друг на друга, радуясь забитому мячу и совершая греко-римское братание.

А когда “Армада” вторично встретилась с питерской “Плеядой”, уверенно занимавшей четвёртую позицию в таблице, и уже к перерыву имела результат 3:0, растребушив её, точно лягушку в студенческой лаборатории, за головы взялись не только тренеры столичных клубов, но и другие “тяжеловесы”. По сути, игра была сделана. Ждать, что питерцам удастся отквитать три мяча, не приходилось. Так оно и вышло. Красно-белые во втором тайме забили ещё два гола и заставили “Плеяду” покинуть газон с плачевным счётом, явно заимствованным у коллег с Гавайских островов: “Аргентина — Ямайка 5:0!” Потопили питерский дреднот и пикнуть не дали.

После развала Советского Союза Николай Николаевич несколько лет провёл в Китае, тренировал молодёжные команды и привёз оттуда древний миф о Чаншаньской змее — символе непобедимости.

— Когда её ударяют по голове, она бьёт хвостом, — восхищённо говорил Кучер, и глаза его азартно загорались. — Когда её ударяют по хвосту, она бьёт головой.

— А если её перепоясать? — спросил Андрей, впервые услышавший о легендарной змее. — Хряснуть чем-нибудь посередине.

— А если её ударяют посередине, — обрадовался его вопросу Ник-Ник, — она бьёт и головой, и хвостом! — При этом он резко выбросил вперёд обе руки с плотно прижатыми пальцами и стал похож на шаолиньского монаха, обучающего молодых воинов боевым искусствам.

Андрей понял его замысел. Голова команды — это два, три, четыре центральных нападающих, в зависимости от того, какой схемы придерживаться. Середина — опорные полузащитники. Левый крайний и правый. А хвост — оборона. И все бьют, все колотят по воротам и участвуют в контратаках при первой возможности.

Андрей представил себе атакующую слаженность в игре и восхищённо подумал: “Атас! Непобедимая змея — непобедимая команда”. “Армада” рулит.

— Тебе сколько лет? — неожиданно спросил Кучер у Андрея, что-то помечая в своём тренерском гроссбухе.

— Восемнадцать, — ответил Андрей, почему-то смутившись. — Девятнадцатый пошёл.

— Это хорошо, — сказал Ник-Ник. — Найти себя в столь юном возрасте — это удача, и удача великая. Когда человек находит свой путь в жизни, ему уже не страшно ничего. Впереди — свет. Всё дело в поисках пути.

Первые такты концерта для гитары с оркестром итальянского композитора Томазо Альбинони известили о том, что звонят из страховой компании.

Андрей раскрыл мобильник и услышал, что на его счёт переведены деньги за угнанную машину. Он поблагодарил своего агента и тотчас перезвонил Ивану, сообщил радостную весть:

— Страховку получил! Рванули?

— Тачку покупать?

— Ну, да!

Глава десятая

Андрей приобрёл “бумер” представительского класса. Автомобиль поражал мощью двигателя и лёгкой управляемостью. Глубокий чёрный цвет радовал глаз и казался таким же респектабельным, как чёрный смокинг делового человека. Великолепный салон, обтянутый светло-салатовой кожей, отвечал

самым высоким требованиям роскоши и комфортабельности. Теперь Андрей по-хозяйски клал левую руку на обтянутую светлой кожей “баранку” и уверенно вырубил на трассу, болтая по “мобиле” с друзьями или новыми подругами: Галей и Дианой. Но если Галя чаще слушала, что говорит Андрей, то Диана сама любила “потрещать”.

Решив объехать намечавшуюся впереди “пробку”, Андрей резко свернул в сторону Бутырского вала.

Откуда она выскочила, эта чокнутая тварь — чёрная кошка, пулей метнувшаяся под колеса, он так и не понял. Не успел сообразить. “Стопом” дал по тормозам — и тут же ощутил короткий толчок в спину. Его хорошенько мотнуло. Ремень безопасности врезался в плечо. Андрей повернул голову. Золотистая “Toyota Camry” виновато мигала подфарниками.

Когда он отстегнул ремень и вышел из машины, первой его мыслью было упрекнуть виновницу “наезда” в неосторожном вождении автомобиля, но увидел милое лицо без каких бы то ни было признаков агрессии. Девушка выбралась из-за руля.

— Прошу простить, что всё так глупо вышло, так обидно и некстати. Я готова тотчас компенсировать расходы на излечение той “ссадины”, которая осталась на бампере вашей машины.

— Два дня, как из салона! — воскликнул Андрей, пытаясь оправдать зверское выражение своего лица, которым он явно напугал девушку.

— Всё так внезапно, — повинулась она.

Царапина действительно была едва заметна. Как бы там ни было, она не стоила того, чтобы качать права. Андрей хотел сказать: “Да, ладно, пустяки”, — но неожиданно для себя назвал сумму компенсации. Она была столь смехотворно-малой, что девушка улыбнулась.

— Вы благородны, как граф Монте-Кристо.

Это был явный намёк на знакомство, желание узнать его настоящее имя, и он тотчас назвался.

— Вообще-то я Куренцов. Андрей.

— А меня зовут Светлана.

— Очень приятно.

— Сегодня нет, — улыбнулась она и тут же добавила: — Но я польщена вашей дипломатичностью.

— Нет, в самом деле, очень приятно.

— Я понимаю, — сказала Светлана и раскрыла сумочку. — Позвольте возместить ущерб?

Андрей кивнул и тут же отказался.

— Нет! Потом... В смысле, не надо. — Кажется, он покраснел.

— Если денег, как вы только что, обмолвились, не надо, — прервала затянувшуюся паузу Светлана, — то, как же мне иначе загладить свою невольную вину перед вами и вашим верным “бумером”?

Сказано это было с таким простодушно-вопрошающим видом, что Андрей невольно опустил глаза — уставился на её изящную, всё ещё раскрытую сумочку.

— Не знаю.

Теперь он точно покраснел, смутившись ещё больше.

— Может, телефон...

— Вы хотите записать мой телефон? — почти утверждающим тоном заинтересовалась Светлана и кротко улыбнулась. — Это ваше право. Записывайте.

— У вас счастливый номер, — не зная, что ещё сказать, брякнул Андрей, загрузив мобильник замечательными и легко запоминающимися цифрами, с повтором троек и семёрок.

— Тройка, семёрка, туз? — лукаво улыбнулась Светлана, и он понял, что ему для счастья больше ничего не надо — лишь бы слышать её голос, да чтобы она смотрела на него вот так: смешливо-ласково и улыбаясь, как родному. И он, напрочь забыв все правила хорошего тона, столь свойственные людям благородного происхождения, первым протянул ей руку.

— Извините, я хотел спросить...

— А надо ли? — В её голосе послышалась нотка отчуждения, и он заметно ступешвался, ощутив её ладонь в своей руке.

— Простите, — оборвал он начатую фразу, но разжать пальцы не смог. Светлана сама высвободила руку, ещё раз улыбнулась, теперь уже прощаясь, по-видимому, навсегда, и, тронув мыском туфли небольшую вмятину на переднем бампере своей “япошки”, деловито уселась за руль. Машина подалась назад. Потом бибикнула. Андрей сообразил, что ему предлагают двигаться дальше, и сделал рукой “чао”. Через два квартала “Toyota Camry” повернула на Третье транспортное кольцо.

С этого момента Андрей потерял покой и каждую свободную минуту высвечивал на дисплее телефона её счастливый номер. Мысли о новой знакомой занимали весь его световой день и лишали сна. Даже игра в составе элитной команды, обещавшая в скором времени разрешить его честолюбивые планы (а он имел все шансы стать лучшим бомбардиром года) и оправдать надежду на приличный трансферный контракт, подписанный с мадридским “Реалом” или каким-нибудь английским клубом, отступила на второй план. Даже эти, сокровенно зреющие устремления, казалось, пожирившие его всецело считанные дни назад, не шли теперь ни в какое сравнение с его желанием увидеться со Светланой. Ему хотелось пригласить её в театр, преподнести цветы, повезти в кафе “Пушкин”, похвастаться своими знакомствами, очаровать и пригласить... куда? Не в казино же, нет, скорее всего, в оперу — нет, снова нет, куда? Наверное, на танцы. На дискотеку. В элитный ночной клуб. В тот же “Орфей”, где его знают. Пригласить на танец, лучше, если вальс, почувствовать ладонью её талию, привлечь к себе, галантно закружить и, может быть, поцеловать. Без пафоса, конечно. Так, будто шутя, но с чувством. А потом... Дальше лента обрывалась, и “киношку” с названием “Светлана” крутили по новой.

Он стал похож на тех влюблённых чудаков, которые блуждают меж людей, как будто только что с Луны свалились.

Глава одиннадцатая

Возвратившись из Дании, где “Армада” провела два матча с местными клубами, распушив их в хвост и в гриву, а также узнав об увеличении своего денежного содержания сразу в двукратном размере — это ли не радость? — он выждал ещё два дня, показавшиеся ему вечностью, собрался с духом и набрал заветный номер.

— Андрей? — переспросила Светлана и какое-то мгновение молчала, словно выпытывала у себя поблажку поговорить с новым знакомым. — Куда же вы исчезли? Я ждала, ждала, когда вы позвоните...

— Я не исчез, — повинился Андрей и пригласил её в театр.

После спектакля он понял, что ему никто не нужен, кроме неё. Теперь все его мечты о будущем, все его житейские фантазии и даже мысли о ежедневных тренировках и календарных матчах были связаны с неистощимым желанием видеть Светлану и чувствовать её прикосновения. Всякий раз, когда они встречались в городе, ему приятно было сознавать, что многие прохожие смотрят на них, идущих рука об руку, с явным одобрением и даже восхищением. А что? Он строен, симпатичен, великолепно сложен, а про Светлану и говорить нечего — каблучки цок-цок, причёска — прелесть, фигурка — само совершенство.

Все прошлые увлечения Андрея, даже любовная связь с Дашей, не говоря уже о всяких там Гаях и Дианах, выглядели теперь ошибочными, глупыми и неуместными. Все интересные девушки, казавшиеся раньше красавицами, все запомнившиеся когда-то лица расплывались в тёмные, смутные пятна, словно в его жизни никогда ничего не было реального, и, если его воображение чем и питалось, так это одними химерами, жалкими иллюзиями счастья и любви.

Светлане тоже не нравилась попса, она предпочитала классику, любила книги по искусству, училась, как он и предполагал, на филфаке МГУ,

немножко рисовала, как и он, но больше увлекалась ландшафтным дизайном, облагораживая дачные участки родных и знакомых.

— Обожаю композиции из полевых цветов: они такие милые, — призналась она Андрею и стала вдохновенно описывать загородный дом родителей, построенный в викторианском стиле. — Папа у меня упёртый англоман.

Упомянув в разговоре родителей, она напряжённо взглянула на Андрея, ожидая естественных расспросов: “Кто они? Чем занимаются?” Но он как бы оглох на это время и делал всё для того, чтобы ей стало ясно: его интересует лишь она — его желанная, любимая и ненаглядная.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая

Несколько дней Андрея не было дома. “Армада” играла на выезде. Сначала выясняла отношения с челябинским “Раскатом”, затем в Дюссельдорфе демонстрировала класс игры, а после вылетела в Пермь. И всё это время Андрей перезванивался со Светланой. Они слали друг другу самые нежные послания, превращая СМСки в крохотные поэмы и японские любовные трёхстишия.

“Ты мой Сяо Бао Сюн, — написала ему Светлана, используя китайские слова, и расшифровала послание: — Маленький белый медвежонок”.

Андрей не удержался, показал эпистоле Ник-Никю.

Тот прочёл и кивнул.

— Все верно: Сяо — маленький, Бао — белый, Сюн — медвежонок.

Видя, что Андрей придаёт так много значения сентиментальной чепухе, настороженно спросил:

— Кто она?

— Студентка, — поспешно ответил Андрей и рассказал забавную историю их первого знакомства, деликатно умолчав о том, как он поразился её прелестью и красотой фигуры, и что первое, о чём он тогда подумал, заключалось в желании жениться — разумеется, на ней. Чем раньше, тем лучше. Немедля.

По мере того, как Андрей с непередаваемым восхищением описывал Светлану, делая упор на её уме и замечательном характере, лицо тренера мрачнело. Он завыл на лавке и глянул исподлобья.

— Я так понял, вы просто созданы друг для друга?

Андрей не уловил скепсиса и с радостью подтвердил, что, как только они со Светланой познакомились, как только были произнесены первые лёгкие и, вместе с тем, особо значимые фразы, ему стало ясно, что они созданы друг для друга. Тонкие губы тренера превратились в жёсткую линию. Ему явно не понравилась восторженность Андрея и хорошо прочитываемое желание обзавестись семьёй.

— Жениться надумал?

— Да! — со счастливой улыбкой воскликнул Андрей.

Лицо Ник-Ника озабоченно вытянулось, как будто он стал на эскалатор подземки и услышал леденящий душу призыв: “Если вы обнаружите подозрительных лиц в метро, просьба сообщить об этом машинисту поезда или обратиться к экстренной связи в центре зала”. Хоть стой, хоть падай, хоть в зеркало на себя смотри, соображая, подозрительное у тебя лицо или лояльное — среднестатистического лоха.

— Болван, — грустно заключил тренер и стал похож на телевизионного императора Николая I, в чьём лексиконе это слово считалось самым бранным. — Болван, — повторил он через какое-то время, не глядя на Андрея. — Через два года чемпионат Европы, событие, можно сказать, эпохальное, есть шанс отличиться.

Андрей насупился.

— Я ещё лучше заиграю, — клятвенно пообещал он и после небольшой паузы добавил: — Вот увидите!

— Увижу, — без особой радости в голосе отозвался Кучер, словно его внутреннему взору представились руины стадиона.

Раздумывая над его словами, Андрей вышел на игру: ломать второй тайм. Теперь все свои голы он посвящал Светлане.

Разгромный “сухой” счёт отбирал у пермяков последний шанс удержаться в премьер-лиге. А что касается команды Андрея, то она прочно закрепилась в тройке лидеров, оставив позади себя хамоватого “Литейщика”, буквально зубами вцепившегося в ляжку питерской “Плеяды”, которая сама не ослабляла своей бульдожьей хватки.

Добавленные судьей три с половиной минуты прошлись ржавой пилой по нервам игроков, но всё же не изменили результата матча.

Глава вторая

Когда Андрей сообщил друзьям о своей помолвке и скорой женитьбе (уже и документы отнесли), Ефим не поверил: “Ты что, Андрюша, с ума спрыгнул?” — а Иван неодобрительно покрутил пальцем у виска.

Следуя логике выдавших виды ловеласов, девушка, выходя замуж первый раз, любит совсем не жениха, а свои детские мечты о счастье и сексуальные фантазии. Если даже допустить, что она способна в это время здраво рассуждать и прислушиваться к собственному сердцу, что весьма спорно, она скорее предпочтёт скромного банковского клерка без особых примет, нежели стройного блондина, наделённого всеми качествами лидера и талантом центрфорварда.

Видя, что Андрей всё ещё смотрит в сторону загса вместо того, чтобы бежать от своей невесты к друзьям-товарищам, Ефим многозначительно кашлянул, прочистил горло и решил развеять колдовские чары.

— Для женщины любой мужчина, признавшийся ей в любви, — глупец!

— Почему? — нахмурился Андрей, все эти дни без устали объяснявшийся в любви и не заметивший в глазах Светланы даже тени осуждения.

— Потому что перпендикуляр! — прозвучал ответ с немислимой категоричностью. — Если мужчина, которого женщина искренне считает умным, то есть равным себе, выказывает желание жениться на ней, попасть под каблук и лишиться навсегда свободы, совершенной и безумно-притягательной, она тотчас отвечает презрением.

— За лоха считает? — задумчиво спросил Андрей, в очередной раз поражаясь эрудиции Ефима.

— Представь себе! — воскликнул Ефим и пытливо посмотрел на Саттара, вежливо молчавшего всё это время. — Я верно говорю, мой закавказский друг?

— Завидуешь, — коротко ответил Гюльязизов.

— Чему? — покосился на него Иван.

— Андрей лубит, Света лубит, свадьбу играть нада.

— После тебя, кунак, — предупреждающе сказал Ефим. — После тебя, родной.

Они заспорили, но азербайджанец не сдавался: “Жениться это хорошо — детишки будут”.

Результат бурной дискуссии оказался “ничейным”. Два человека были за вступление Андрея в брак, два — категорически против: “Не дело ты затеял, ох, не дело”. Андрей промолчал. Любящий надеется на чудо.

Глава третья

Они встречались со Светланой вторую неделю, и необыкновенно-радостное чувство привязанности друг к другу нарастало с каждым днём. О том, что его возлюбленная — дочь весьма состоятельных родителей, чьё состояние исчисляется не одним миллионом евро, Андрей как-то не думал. А после очередного разговора с Иваном, который сказал, что Андрей рубит дерево не по себе, “не в свои сани садится”, его стали мучить опасения, что свадьба может быть кем-то расстроена, да хотя бы его будущей тёщей, крайне

недовольной скоропалительным романом дочери. Мысль о том, что Светлана может стать заложницей родительских амбиций, была настолько тягостной, что он невольно хмурился и погружался в свои страхи. Кто-то увидел в его неожиданной замкнутости деловую сосредоточенность предприимчивого человека, сумевшего влюбить в себя богатую невесту, кто-то заподозрил тайное сожаление по поводу наметившегося бракосочетания: быть мужем-футболистом юной состоятельной жены — доля нелёгкая, можно сказать, кабальная.

Свадьбу решили справлять в одном из столичных ресторанов, принадлежавших матери Светланы, но управлявшихся наёмными директорами. Сначала выбор пал на небольшой уютный “Сириус” в Уланском переулке, но потом решили расположиться на Пречистенке в роскошной “Аркадии”.

Мать Андрея, врач по образованию, работавшая участковым терапевтом в поликлинике и уступившая свое место рядом с сыном Ивану Милованову, игравшему роль “дружки”, время от времени отворачивалась от стола и промокала глаза влажным платком. Никого, кроме сына, у неё в жизни не было, и вот он оставлял её одну. Обидно и несправедливо. Роды, вскорми, поставь на ноги и отдай в чужие руки. Кто будет заботиться о нём так, как пластала она? Кто поймёт его душу, поддержит в трудную минуту, уберёжёт от ошибок, отдаст себя всю, без остатка? Только она, мать.

Когда церемония бракосочетания подошла к логическому завершению, и всем захотелось кричать “горько”, заглушая звон бокалов, она немного успокоилась. Поднимая фужер с розовым шампанским в честь новобрачных, Ольга Владимировна отважно посмотрела на сватов — родителей Светланы — и улыбнулась самой искренней улыбкой, представив себя бабушкой. В самом деле, грустить не о чем. Жизнь продолжается.

Андрей убедил Свету добиться от своих родителей согласия на замужество, ибо неопределённость только усугубляла бы его положение в команде, да и их отношения тоже. Он ведь не отказывался ни от венчания, ни от заключения брачного контракта. Он даже готов был взять кредит и приобрести элитную квартиру на кабальных для себя условиях. Андрей рад был полностью содержать семью, жену и будущего ребёнка и поклялся, что сделает всё от него зависящее, чтобы у них появился загородный дом. Собственный коттедж. С камином, бассейном и бильярдным залом. Всё, как у людей, как у её родителей. Андрей чувствовал в себе такую мощь, такие силы, что встретись ему Иван Поддубный, он уложил бы его на лопатки. Честное слово! Если Света захочет, она будет ездить с ним на сборы, на игры и повидает весь мир. Его клятвы, уверения, мечты о будущей совместной жизни были искренними и предельно страстными. Именно эта самозабвенная преданность их будущей семейной жизни, ещё, конечно, красота и обаяние Андрея так взволновали Светлану, что она почувствовала головокружение и, чтобы не упасть, бросилась ему в объятия.

“Держи меня, — шепнула она тихо, выходя из загса, — а то я упаду”.

Он подхватил её на руки и закружил на месте.

Когда Андрей увидел её в свадебном платье, с роскошной фатой и букетом белых роз, он онемел от восхищения. Золото её волос как нельзя лучше сочеталось с бездонной синеваой больших, ликующе-счастливых глаз. Не было человека, который бы не сказал, что они со Светланой — чудесная пара.

Колебался ли Андрей перед столь серьёзным шагом, как женитьба, сомневался ли в правильности своих действий, способных круто изменить все его планы, честолюбивые замыслы, всю его жизнь? Конечно, нет. Нет, нет и тысячу раз нет. Ни на секунду он не поддался естественной для разнузданной юности панике. Порвал с беспечной молодостью так же легко и просто, как обрывают нитку, торчащую из шва.

Президент клуба прислал молодожёнам приветственную телеграмму из Милана, где находился по делам российского Футбольного союза, а владелец “Армады”, Аркадий Львович Широкоглаз, уполномочил генерального директора команды передать им ключи от трёхкомнатной квартиры в новом элитном доме. Радость новобрачных была неописуемой.

— Впряглись в тягло, — буркнул себе под нос Кучер, но его реплики, похоже, никто не расслышал. Как выяснилось позже, именно он надоумил Аркадия Львовича сделать столь щедрый подарок.

Друзья преподнесли Андрею наручный хронограф, на корпусе которого он с удовольствием обнаружил две “счастливые” девятки. Андрей понял задумку ребят. Ему всегда нравилась цифра девять. Он играл под этим номером и свадьбу наметил на девятое октября, тем более что этот день совпал с днём рождения Светланы — всё так счастливо сошлось!

Он не сводил восхищённого взора с невесты, а она — с него, изредка любуясь обручальным кольцом. Рук они не разымали, и все попытки гостей украсть молодую жену оказались напрасными.

Глава четвёртая

После свадьбы Светлана накупила уйму всяких тестов и едва не лишилась чувств, когда в один из дней проба показала “полоску беременности”.

Андрей был с командой в Голландии, когда она позвонила ему на мобильник и радостно выпалила: “У нас будет малыш!”

Крайняя неопытность Светы как в интимной жизни, так и в бытовых вопросах позволили ему почувствовать себя главой семьи, непререкаемым авторитетом, но длилось его “царствование” не больше двух месяцев.

Как только Света убедилась в том, что счастливая и желанная пора материнства не за горами, она тут же взяла на себя роль полновластной хозяйки дома, имея смутные представления об истинном характере взятых на себя обязанностей. Трудности ведения домашнего хозяйства её не пугали по той простой причине, что она едва ли знала о них больше, нежели любая “папенькина” дочь, избалованная родительским доглядом. Она не представляла себе, как материнство может повлиять на её восприятие ребёнка и мужа, как изменит мир её привычек и растревожит воображение. С малых лет приученной к идеальному комфорту, ей совершенно не приходило в голову, что с рождением ребёнка она станет меньше уделять себе внимания, реже общаться с подругами, бывать в театрах, на званых вечерах и концертах. Она наивно полагала, что статус замужней девушки никак не скажется на её сокровенных чувствах и пристрастиях, в лучшем случае, вовлечёт в иные формы общения с людьми, прежде всего, с юношами и мужчинами, и ничего, помимо восхитительных эмоций, ей не принесёт.

В первые месяцы после замужества Светлана старалась не пропускать ни одного матча с участием Андрея. Если игра была в Москве, она приезжала на стадион: место в VIP-зоне было забронировано, а когда команда играла на выезде, смотрела по телевизору, бурно комментируя после возвращения “блудного мужа” его игру, самые неприятные эпитеты оставляя на потом, наутро, чтобы не испортить ночи с её жарким шёпотом, сдерживаемой страстью (чтоб не навредить ребёнку), и коротким, но до слёз восторженным “люблю”.

УЗИ показало девочку, которую решили назвать Софьей. С этого дня Светлана стала налегать на бутерброды с красной и чёрной икрой, с удовольствием поглощала котлеты, причём холодные, с застывшим смальцем. Андрей смеялся, когда она тайком пробиралась на кухню во втором часу ночи и ушисывала за обе щеки горбушку чёрного хлеба, натёртую чесноком.

— Есть хочу, нет сил!

— Смотри, не раскорми ребёнка, — остерегала её Ольга Владимировна. — Порвёшься в родах.

Светлана пугалась и несколько дней стойко боролась с “волчьим аппетитом”.

Затем всё повторялось: ночь, кухня, холодильник, котлета. При этом она принималась канючить:

— Если бы ты бросил свой дурацкий футбол, как предлагает моя мама, и взял в свои руки управление золотодобывающей компанией отца, о чём он тебе говорил не единожды, у нас таких квартир было бы уже с десяток. Пора взрослеть, Андрей. Ты человек женатый.

Это были не её слова — это были слова её матери.

Андрей услышал их впервые ровно через месяц после свадьбы, когда тёща гадливо промолвила:

— Футбол вещь малосимпатичная. Можно сказать, постыдная. Бегать за мячом в трусах семейным людям не пристало.

— Да у нас в команде уже пятеро женатиков, детей имеют, — простодушно ответил Андрей и услышал обидный упрёк:

— Я вас считала умнее.

Светлана сама не заметила, как весёлость Андрея стала её раздражать. Она не могла уловить, чему он радуется, если приступы тошноты и головокружения стали мучить её непрерывно? С утра до полуночи, а там — до рассвета. И ему ни разу не стукнуло в голову прийти домой пораньше, а то и вовсе пропустить ряд тренировок, как это делает она, пропуская лекции и даже семинары.

Когда Андрею рассекли подбородок — зацепили бутсой во время игры, — а он пощучивал, что “шрамы украшают мужчину”, она ткнула его пальцем в лоб и заявила, что “шрамы украшали” кавалеров в те далёкие времена, когда не было мобильных телефонов, японских внедорожников и действенных средств для борьбы с тараканами.

— Теперь, — уязвила она обескураженного её натиском мужа, — когда всё это имеется и обновляется каждые полгода, символом мужественности стал банковский счёт в его золотовалютном эквиваленте.

Ещё её ужасно раздражали поклонницы Андрея. Перед каждым матчем и после него они собирались у дома, правда, к подъезду их не подпускала охрана, караулили и клячили автографы. Некоторые оторвы осаждали его просьбами осчастливить хоть одну из них более близким знакомством и даже доходили до того, что нагло оскорбляли Светлану скабрёзными шуточками.

Может, их сборище льстило самолюбию Андрея, но лично её бесило, и она часто просила его:

— Пора прекращать это безобразие!

Раза два она обращалась в милицию, оставляя заявление участковому, но никаких действенных мер предпринято не было. Тогда она пожаловалась отцу, и его друзья из управления по борьбе с нелегальным оборотом драгоценных металлов быстро навели порядок в стане ретивых фанаток. Если они теперь и собирались, то у перекрёстка, через который так или иначе должен был проезжать Андрей.

Оскорблять Светлану перестали.

В общем, она стала в доме настоящей хозяйкой, тем более что Андрей нередко уезжал с командой на длительный срок, если игры были где-нибудь в Европе.

Возвращаясь домой, Андрей видел, как мучается Света, изнурённая частыми рвотами, и старался ни в чём ей не перечить. Иной раз его личная жизнь напоминала американские горки — то захватывающие дух взлёты, то леденящие душу падения; то беспричинные ссоры, то безумные объятия, и всякий раз страсть захлёстывала с головой и не давала опомниться. Складывалось впечатление, что после свадьбы их пылкий роман только начал набирать обороты, требуя всё новых и новых любовных признаний, неизъяснимо желанной, прямо-таки ненасытной физической близости и непонятно чем навеянной тревоги, словно судьба вознамерилась навсегда лишить их сердечного успокоения.

Глава пятая

Андрей любил Свету до озноба, до сердечной дрожи, до блаженного безпамятства, точнее, до... футбола. Он был игрок. И с этим ничего нельзя было поделать. Как ничем не остановить его стремительно растущую славу лучшего бомбардира российской премьер-лиги и настойчивое желание многих клубов перекупить его у несговорчивого владельца “Армады”, небезызвестного Аркадия Львовича Широглаза.

Хозяин итальянской команды “Портофино” предложил за Андрея семнадцать миллионов евро.

— Это на пять единиц больше его трансферной оценки, — деловито объявил он президенту “Армады” по телефону, совершенно уверенный в реальности сделки.

— Минутку, — попросил тайм-аут президент “Армады” и побеспокоил Аркадия Львовича звонком. — Нам за Куренцова дают семнадцать миллионов.

Широглаз скорчил обиженную мину. Такое выражение лица бывает ещё у одинокого дачника, пожелавшего виски со льдом и к глубокому своему разочарованию узнавшего, что в холодильнике нет ни того, ни другого.

— Мимо кассы, — ответил он хмуро и положил трубку.

Минут через пять Аркадий Львович сам набрал номер Кучера. Хотелось ещё раз услышать его мнение о Куренцове.

Николай Николаевич ответил, не задумываясь:

— Чрезмерная страстность мешает ему совершенствоваться мастерство в той мере, которая меня устроила бы, но игровое чутьё потрясающее. Уверен, пройдёт ещё несколько лет, и он один будет стоять, как добрая сотня футболистов.

— Страстность — залог нищеты, — раздумчиво сказал Аркадий Львович, почёсывая голень. Отдых на одном из купленных им островов в Индийском океане был явно подпорчен кровожадными москитами.

Кучер дипломатично промолчал. *Нет правды на земле.* Но в том, что без страсти нет футбола, он был абсолютно уверен.

— Ладно, — закончил разговор Широглаз, видя, что наставник “Армады” не собирается вступать в полемику, — присматривайте за ним. Впереди чемпионат Европы. Я постараюсь сделать так, чтоб сборную России доверили тренировать вам.

Поговорив с Кучером и услышав от него самые оптимистические прогнозы в отношении спортивного будущего Андрея, Аркадий Львович отказал ещё одному “приставале”, владельцу футбольного клуба “Зарядье”:

— Он один стоит десятка игроков.

— Аркаша, — засмеялся хозяин “Зарядья”. — Мы не на Привозе. Ты не тётя Циля, а я не Хаим Грач. Давай по делу.

— Я и говорю: Циркач не продаётся.

— Ты уверен? — в голосе кушца послышались пугающие нотки сомнения.

— Абсолютно, — ответил Широглаз, задирая брючину и огорчённо разглядывая места комариных укусов. — Это так же верно, как то, что меня зовут Аркадий, а народ нуждается в победах, даже самых маленьких. Я говорю о болельщиках “Армады”, не забывая при этом себя.

— Ой-ёй-ёй! Ты ещё скажи, народу кушать нечего.

— Сам знаешь, не скажу. На хлеб все могут заработать.

— Так ведь хлебушка охота с маслицем.

— Ещё добавь: с икоркой.

— С удовольствием добавлю. Человек слаб, сила соблазна велика, — ответил собеседник, намекая на своё желание купить Андрея Куренцова.

— Надо бороться.

— С тобой?

— Ну, зачем же со мной, — отозвался Аркадий Львович, невольно кривя губы и представляя себе лицо набычавшегося конкурента. — С соблазнами нужно бороться, со своей натурой.

— Натура — дура, штык — молодец!

— Ты угрожаешь? — Аркадий Львович поморщился и погладил расчёсы на ноге. — Тогда ты ошибся звонком.

— Я? Да ты что? Заговор, сговор — удел подлецов, как говорит мой знакомец.

— Не знаю, что говорит твой знакомый, но я повторяю: Андрей Куренцов стоит денег, и денег серьёзных. У него абсолютный нюх на голевую ситуацию, автором которой он сам зачастую и является.

— А если у него, — купец замялся, — нюх внезапно пропадёт?

— Продам! Цену ломить не буду.

— О'кей! Ловлю тебя на слове.

Поговорили, как мёду напились. Да иначе и быть не могло: в Москве люди добрые, это они понарошку злые. Для видимости, для смычки города с деревней в условиях ползучей классовой борьбы.

Глава шестая

— Ага! Обосра-зу в кусты! — засмеялся Иван, шутливо замахнувшись на Ефима, позволившего себе вякнуть нечто ехидное в его адрес. — Быстро в “чуху” приведу.

Андрей улыбнулся. Ребята нарочно дурачились, подкалывали друг друга, ловили кураж. Поглядывая на них, он старался понять общий настрой команды: оседлает она сегодня дальневосточного хищника, выпустит из него горячую кровь на холодный газон “Лужников” или не выдержит его звериного наскока, обратится в бегство?

Николай Николаевич был немногословен.

— Милованов, твоя задача — отвлекать. Куренцов — сам знаешь. А вы, — обратился он к Саттару и Ефиму, — освобождаете линию.

Стадион уже гудел. Финальный матч — это всегда событие.

Андрей привычно обежал трибуны взглядом, отметил колоссальное число болельщиков и помахал тому сектору, над которым свисало полотнище “СТОЛИЦА РАДА — РУЛИТ “АРМАДА””. Ему дружно ответили.

Судья — глиста из подворотни — дунул в свисток, матч стартовал, и Саттар ловко перекинул мяч Ефиму, стремительно и ловко увильнувшему от встречного полузащитника.

Кучер уместился на своём стуле.

Финальный матч на первенство России по футболу между столичной “Армадой” и уссурийским “Тигром”, решившим одним махом вспрыгнуть на золотое крыльцо чемпионата, со второй минуты начал терять высокий темп заявленной игры. Вялая перепасовка, скучные обводки и непонятная рыхлость атак. Для финального матча — позор. Складывалось впечатление, что это не решающая схватка двух сильнейших команд российской премьер-лиги, готовых ноги переломать друг другу за возделенное “золото”, а театрализованная репродукция картины Перова “Охотники на привале”, показанная на стадионе “Лужники” при массовом скоплении народа. “Не слышны в саду даже шорохи”. Оно и понятно: ноябрь, морозец, грязный снег.

Наконец, левый крайний уссурийского “Тигра” пробил по воротам, хорошо пробил, целя в “девятку”, но Глеб Семенихин молниеносно перехватил мяч и отправил в центр поля. Устремившись за ним, Андрей поскользнулся и проехал на заднице. Белые трусы стали грязно-зелеными. Работёнка не пыльная, но попотеть придётся.

Пас — мимо. Пас — выше. Нога, как чужая. Батарейки сели?

— Курень, глуши! — орали фаны.

“Какой “глуши”? — мысленно оправдывался Андрей, в очередной раз теряя мяч в штрафной площадке и подтягивая гетры. — К ним в защиту идти, как голым задом в крапиву садиться, — тут же взвосьшь, пробкой вылетитишь!”

Пас — рывок — удар! Пустые хлопоты. Игру закоротило. Андрей поматал головой и даже вскинул руки, изображая отчаяние. Не шёл мяч в ворота, не шёл. Да и “лесорубы” щерили клыки. Играли кость в кость. Иван слегка прихрамывал. С его лица не сходила маска недовольства: сложно всё как-то. Задолбало. Андрей потащил мяч на угловой. Уссурийцы защищались стойко. Никаких разрывов в обороне пока не предвиделось, да и голкипер стоял вмертвую, как файл с паролем. Дальневосточники хамили, но судья на поле “ничего” не видел. Цеплялся за свисток, как утопающий за соломинку, но никого не карал. Поглядывал то на табло, то на часы.

Ефим смазал штрафной, схватился за голову и заскулил, как чистоплотный пёс, которого хозяин трое суток не выпускал на двор.

Андрей похлопал его по плечу.

— Прорвёмся.

Он уже приноровился к грубой игре уссурийцев, раскусил систему их защиты: трое прикрывают вратаря, четвёртый валит с ног. Все стопперы хорошо бегали, слаженно действовали в стандартных ситуациях, но мячом владели слабо, долго его не держали, а старались выбить как можно дальше, восхищая “лохов” силой удара. Одного не мог понять Андрей: где слабое место голкипера? Если бы ему сказали, что такого места нет, он бы не поверил. Тем не менее, все мячи, летевшие в ворота, тот парировал с необычайной лёгкостью.

Андрей сам трижды ударил так, что, казалось, гол верный, но вратарь в подскоке переводил мяч выше ворот. Угловые тоже не приносили успеха. Стандартные положения соперники просчитывали чётко. Андрей не знал, как поразить ворота, и у него от напряжения даже свело мышцы шеи. Пришлось усиленно вертеть башкой.

Трибуны засвистели. Раньше это надо было делать.

И тут “лесорубы” отличились: Глеб с отворачиванием вынул мяч из сетки.

Глава седьмая

— Да вас что, в морозильнике везли на стадион? — задохнулся от гнева Кучер, возмущённый медлительностью своих подопечных и тугоподвижностью их членов. — В мертвецкой веселее! — Выражений он не подбирал, и многие фразы, вылетающие из его разгорячённых уст, вполне могли принадлежать проголодавшемуся вождю людоедов, говорившему на хрен знает каком диалекте. На папуасском, наверно. Ефим скорчил гримасу непередаваемого ужаса. Ник-ник рассвирепел.

— Козлы на ходулях!

Кажется, он вспомнил русские слова.

— Ладно, — успокаиваясь и радуясь тому, что нагнал на своих остолопов страху, миролюбиво проговорил Кучер. — Всё нормально. Спокойно отдыхайте и выходите на игру.

Классный он всё же мужик. Мировой. Создать команду, задать ей вертикальный вектор — для этого особый талант нужен. Талант организатора и, если хотите, идеолога.

После перерыва Андрей заметил, что соперники успели расписать свои лица боевым узором диверсантов, маскирующихся под густо пересечённую местность, и теперь искали, кого бы “мочкануть”? В их глазах горел восторг: “Золото наше!” Андрей им не поверил и правильно сделал. Уйдя от костоломного заслона, он точно пасанул Ивану, и тот, не мешкая, стремительно пошёл вперёд, бросая поспешные взгляды по сторонам и страдальчески кривя рот, словно попал в винный отдел магазина в момент его закрытия и теперь не знал, как угодить своему вкусу и кассирше, прооравшей ему вслед: “Совести у вас нет, мужчина!” Всё это несколько взбудило болельщиков “Армады” и облекло их грустные думы в оптимистическую оболочку. Нигде, как в футболе, живуч бессмертный постулат: “Люби меня, как я тебя, и будем вечные друзья”.

— Иван! — крикнул Андрей, но тот его не слышал — ушёл в самоволку. Ефим, не будь дураком, ринулся за ним. А почему бы и нет? Получив мяч от Ивана, он великолепно обыграл соперника и, сделав вид, что пробивает по воротам, перебросил мяч Андрею, ждавшему удобного момента.

К середине второго тайма уссурийские защитники откровенно выдохлись и шарились в дымовой завесе своей обороны в поисках противогазов. Слово дело было в них одних, да ещё в отсыревших тротиловых шашках.

Андрей сжалился над ними и острым пасом вразрез, как раз на ногу Ивана, чётко показал, где находятся индивидуальные средства химзащиты. А средства эти, как ни странно, были свалены в ближнем нижнем углу “полосатых”, куда влетел мяч, направленный Саттаром. Умница Ефим не стал испытывать судьбу, дёрнул голкипера ложным замахом и расчистил коридор атаки.

Вой раненного зверя — ничто по сравнению с тем воем, который издал сектор, заполненный фанатами “усато-полосатых”. Шелест камыша в лунную ночь.

Посеревшее лицо тренера таёжных “лесорубов” напоминало картину Репина “Не ждали”. Да это уже было и не лицо, а ключевая фраза эротического триллера: “Он расстегнул ширинку — и все ужаснулось”.

— Есть! Один-один.

Ничейный результат отбирал у “саблезубых” пальму первенства и лишал их возможности подержать кубок России в своих натруженных, но вовсе не мозолистых руках.

Все телекамеры и фотообъективы нацелились на Гюльазизова.

Когда Саттар забивал гол, он падал на колени и закатывал глаза, как бы посылая благодарение Аллаху. Не потому, что прозревал его пределы. Ему нравилась эксцентрика — так делал Марадона. Правда, тот ещё целовал нагельный крест. Впрочем, это не важно. Главное, какой эффект ты производишь. Понты дороже денег.

Судья на поле, требовательный, как молодой учитель, и щепетильный, как девушки из скорой сексуальной помощи, долго устанавливал мяч в центре поля, долго не подпускал к нему рвущихся в бой противников и, наконец, свистнул. Башли в лузу — и погнались. На гребне хорошо закрученной атаки Андрея осенило: а не пустить ли мяч пыром — по кочкам, по кочкам, по ровной дорожке? Ему показалось, что вратарь уссурийцев бережёт свой левый бок, старается не падать, перехватывая мяч в прыжке.

Получив очередную передачу от Ефима, он поспешил к штрафной соперника. На её подступах, испытывая величайшее желание прорвать сетку ворот, Андрей мимоходом “лажанул” двух стопперов, устроивших ему засаду, и, не обращая внимания на их озверелые рожи и запоздалое гавканье, кубарем, перелетев через чье-то колено, мгновенно вскочил и пырнул — мяч пошёл низом, почти по траве. “Мне нужен гол”, — сказал он сам себе и тут же рухнул, сбитый наземь. На секунду, на какую-то долю секунды опередил он ярого защитника, дышавшего в затылок. До вратарской оставалось меньше метра.

Как прореагировал голкипер, он не видел, но по безумному реву трибун понял, что попал — удвоил одну цифру на табло. “НАС — РАТЬ”, — зывал гигантский баннер, целиком укрывший сектор “Армады”. Два-один — прекрасный результат.

У вратаря был вид кастрата, попавшего в женскую баню. Кстати, вы когда-нибудь видели голкипера, который хихикает, вынимая мяч из сетки собственных ворот? Нет? И не дай вам увидеть подобное. Наблюдать, как человек сходит с ума, занятие печальное, особенно для натур тонких, впечатлительных, каковыми являются футбольные болельщики.

Смотреть, как корчатся два форварда, боднувшие друг друга при борьбе за верховой мяч, конечно, больно, эстетически невыносимо, но вид хихикающего вратаря, согласитесь, мучителен.

Поймав кураж, Андрей ровно через две минуты увеличил счёт. Один гол за другим и оба — в “точку”. Пуля в пулю. Вратарь метнулся и упал — плашмя. Лёг и отключился. Затем начал подниматься. Сначала встал на четвереньки, словно хотел показаться группе проктологов. Не дождавшись обещанного осмотра, сел на пятки и упёрся кулаками в землю, словно привыкал к инвалидной каталке, на которой собирался развезжать по вагонам метро после окончания сезона: “Помогите, кто может!”

Трибуны сердечнольно взвыли.

Это был разгром. В раздевалку Андрея несли на руках: его хит-трек обеспечил команде чемпионское “золото”.

На послематчевой пресс-конференции кто-то из журналистов заметил, что у Андрея вдохновенное лицо: с таким лицом и слава не нужна. Но слава уже рисовала ему сказочные виды. Его белопёрый “Мазератти”, имевший под капотом табун чистокровных скакунов, стоял у парадного крыльца роскошного особняка. Водитель в белых лайковых перчатках нежно поглаживал руль. Охрана выстроила коридор. Пахло морем, дорогим одеколоном и цветущей магнолией. Из глубины сада — навстречу — спешила жена: золотая-золотая в лучах заходящего солнца.

В июле она родила.

Глава восьмая

Как и в любой семье, у них случались споры, ссоры, но Андрей не придавал им значения. Он любит, чего ещё надо? А желание Светланы “попилить” его за мелкие провинности: “Опять твоя куртка на кухне?”, “Разберись с телефоном: пищит!” — считал закономерным — мать его тоже “строгала”, причала к порядку. В быту он ужасно не собран.

Но какие бы перепалки между ними ни происходили, дымовая завеса домашних баталий не застилала ему сердце горькой обидой, хотя Светлана могла дуться на него полдня и даже больше. Он первым шёл на примирение, сводил глупые размолвки к общему знаменателю таким образом, чтобы в числителе были совет да любовь, покой и согласие.

Но одного его желания в последние дни не хватало.

Целые числа не делились на чётные, а если делились, то в результате оставались дроби. Дни дробились на “люблю-не люблю”, а ночи на “нельзя” и “погоди”.

После родов у Светы началась депрессия, но спустя месяц она немного успокоилась. Ей уже не казалось, что ребёнка подменили или он уже не дышит.

— Ух, красавица какая! — воскликнул Андрей, когда впервые взял на руки крохотную Сонечку с её обиженной, младенческой гримасой. — Вылитая мама.

— Да и от папы кое-что есть, — засмеялась Светлана, имея в виду рост новорождённой — пятьдесят четыре сантиметра и вес — три восемьсот.

В доме воцарился мир, и теперь Андрей всякую свободную минуту стремился проводить с Сонечкой и женой — милой, чуточку строптивой, но от этого не менее желанной.

Очередной футбольный турнир “Армада” отыграла на “бронзу”. Так вышло, что Саттара Гюльазизова приобрёл для себя английский “Рейдер”, уплатив за него двенадцать миллионов фунтов стерлингов, а Николай Завражный, занявший его позицию, на одной из тренировок порвал икроножную мышцу и после операции играл далеко не лучшим образом. Несмотря на то, что “Армада” заняла третье место, Андрей вновь был признан лучшим футболистом страны и удостоился чести сфотографироваться с владельцем клуба, который на этот раз лично преподнёс ему букет пунцовых роз и ключи от изумрудного “Лексуса RX 400 h”. Позируя перед фотообъективом, Андрей поблагодарил Аркадия Львовича за подаренный автомобиль, ответил на вопрос, как ему “живётся-можется”, и крепко пожал руку. Этот снимок украсил подарочное издание, посвящённое спортивным успехам “Армады”, и даже попал на первую полосу газеты “Тайм-аут”, вышедшей в печать с броской фразой: “Футболисты — реальные рыцари нашего времени, давшие клятву верности своим возлюбленным, венценосным дамам сердца: Страсти, Игре и Удаче”. Рыцарем номер один был признан Андрей Куренцов.

Глава девятая

— Вот я сегодня плохой сон видела, — испуганно сказала Света утром.

— Да ладно, — отмахнулся Андрей, пытаясь её успокоить. — Куда ночь, туда и сон.

— Не скажи, — всё ещё находясь под впечатлением приснившегося, отозвалась она. — Я в нашем доме землю копала. — Она помолчала и добавила: — Копать — к похоронам.

“Надо же”, — хмуро подумал Андрей и вспомнил свой сон. Сначала он пил водку с незнакомыми парнями, даже вкус её отвратный ощутил: явное “палево”, а затем угодил в смоляное болото, в растопленный битум — ел ноги выдрал.

Семейный отдых они запланировали на Сицилии, уже и билеты купили, и номер в отеле забронировали, но ничего путного из их затей не вышло. Звякнул мобильник. Высветилась СМСка: “Андрей, ты утверждён в составе сборной”. Он даже подпрыгнул от радости. Круто! Его мечта сбылась: защищать футбольную честь России на европейском чемпионате — это ли не

счастье? Когда он прочитал сообщение Свете, реакция оказалась совсем неожиданной:

— Ты вновь меня отшвыриваешь в угол, словно тряпку. Вытер ноги и пошёл!

Она стояла перед ним в красивой белой блузке (только что показывала, в чём собирается ехать на море), и лицо покрывалось красными пятнами гнева.

— Но это же почётно, это мне необходимо, — пытался привлечь её к себе Андрей, чтоб как-то успокоить, объяснить, что чемпионат Европы проводится не каждый год, и сотни, тысячи известных футболистов мечтают на него попасть, но Светлана вырывалась из его объятий: — Отпусти! — И упиралась в грудь руками. — Прощлый раз, уезжая на сборы, ты говорил то же самое.

Андрей пытался успокоить:

— Ты же знала, что меня вот-вот должны зачислить в сборную, что я не могу изменить себе.

— А мне, значит, можешь?

— Да не изменяю я тебе! — возмутился Андрей. — В конце концов, я игрок.

— Ага, игрок! Дурак на повозке. Всем добренький, кроме семьи. Ребёнок, вон, тебя не узнает. Плачет на руках. Если бы тебя на самом деле уважали, то за полгода бы предупредили, чтоб ты семью мог на море свозить — в кои веки!

— Света, — умоляющим тоном заговорил Андрей. — За полгода сборную не формируют. Это очень серьёзный вопрос. Понимаешь?

— Конечно, где мне, дуру, разобраться! — размазала по лицу слёзы Светлана, продолжая сидеть на полу и отчаянно жалуясь наборному паркету на свою несчастную судьбу. — За кого я выходила замуж? Боже мой! Куда смотрела, что я видела? — Она скинула с ног босоножки и отшвырнула к двери. — Уезжай! И я уеду.

Андрей ждал, что она утихнет, поразмыслит над своими вздорными словами и рассудительно скажет: “Да, конечно. Представлять Россию — это большая честь. Тем более, на Евро. Поезжай, вместе мы ещё наотдыхаемся”. Но услышал иное.

— Вали!

— Совсем? — ужаснулся Андрей. — А как же дочь? Зачем же отравлять ребёнку жизнь?

— Да это ты нас в бочку с дёгтем окунул, всю жизнь нам отравил!

— Неправда.

— Правда! Хотя бы раз сказал: “Пошли вы на фиг со своим футболом — у меня семья”! Так нет же, нет! Мужик ты или кто?

“Мужик”, — ответил сам себе Андрей и стиснул зубы. Можно предать себя, но не предавать женщину, можно предать женщину, но не предавать себя, а лучше никого не предавать. Так думал он, приходя к неутешительному выводу, что его семейная жизнь расплзлась, как ветхая марля. Временами он сомневался в правильности своих выводов, надеялся, что всё ещё наладится, но... кто сомневается, уже страдает.

На клубные сборы, как это делали жены других футболистов, Светлана принципиально не ездила. “Я не бомж. Спать привыкла в собственной постели”. Нет, не хотела милая, желанная, страстно любимая Света подниматься до небес в его глазах. Напротив, уменьшалась в ярости, в настаивании на своей, одной лишь ей известной правоте. Может быть, они бы и расстались, осознав, что сделали ошибку, поженившись, что незачем мучить друг друга, если бы не Сонечка — маленький радостный ангел.

Когда у дочери заподозрили рак крови, Андрей чуть ума не лишился. Не может этого быть! Это так несправедливо. А тут ещё играть на выезде пришлось.

Весь месяц “Армада” колесила по миру, набирала необходимые очки для участия в европейских турнирах, и он вместе с одноклубниками набирался опыта и впечатлений.

В Риме Андрей нанял белый кабриолет с красными колесами и разъезжал на нём по столице Италии, щёлкая фотоаппаратом. А потом послал снимки Светлане, сопроводив их любовным посланием с шутливой укоризной: “Жаль, что ты у меня не декабристка: за мужем в ссылку не поедешь”. “Типун тебе на язык! — отозвалась она СМСкой. — А сошлют — переживёшь. Мне ребёнка лечить надо”.

Когда Андрей вернулся, не узнал жену. Это уже были не глаза Светланы, яркие, лучистые, небесно-голубые, в которых, словно воробьи в весенней луже, трепыхались искры счастья и восторга. Это были глаза ужаса — чёрного, провального, безумного.

Сонечку положили в больницу, выделили отдельный бокс, и Света осталась с дочерью в стационаре.

Андрей внёс в кассу клиники необходимую сумму, оплатил дорогостоящие лекарства и закупку донорской крови. Сделал всё, что велели врачи, и теперь мучился сознанием собственного бессилия: он не мог что-либо изменить коренным образом. Рак крови — это хуже, чем он думал. Это приговор. Мать Андрея, узнав о злокачественном заболевании своей любимой внучечки, долго не могла произнести ни слова, а родители Светланы сразу заговорили о том, что Сонечку надо везти в Германию и непременно в ту клинику, где лечилась Раиса Максимовна Горбачёва. Выслушав их, лечащий врач сказал, что острой необходимости в зарубежной госпитализации пока нет, и Андрей теперь каждый день навещал Свету, если был в Москве, или справлялся о здоровье Сонечки по телефону, уезжая на игры.

— Свет, — позвонил он ей как-то после тренировки. — Меня капитаном сборной утвердили.

— Лучше бы денег подкинули! — разгневалась она. — У тебя ребёнок болен, нам придётся ехать за границу. Ты знаешь, сколько стоит пересадка костного мозга? Не знаешь? Я тебе скажу. Это сотни тысяч евро! Со-о-от-ни! — подчеркнула она голосом, полным неподдельного отчаяния. — Траты сумасшедшие.

О днягах Андрей не беспокоился. С каждым днём их становилось больше. А вот здоровье — да, его ни за какие фунты-стерлинги не купишь.

В один из тёплых майских дней, когда Сонечка повеселела и, глядя на неё, трудно было предположить, что этот подвижный ребёнок болен, Андрей отправился на сборы.

Глава десятая

В аэропорту Бонна ребята натрясли пыли в журналистские уши, дескать, мы такие: разоримся — заработаем, — и айда! — набирать очки в контрольных матчах, вправлять мозги всем, кто не верит в российский футбол и страдает глупым самомнением.

С трудом одолев в отборочной подгруппе драчливых хорват и занозистых швейцарцев, разгромив Андорру и Азербайджан, двуглавые орлы России вошли в свой групповой отсек с желанием хлебнуть кваску: жара стояла несусветная — Европа задышалась.

Андрей с друзьями “парился” в гостинице. Читать не хотелось, играть в шахматы тоже. Валялись на кроватях, проминали кресла.

Во дворе отеля, прямо на асфальте, российские болельщики стелили яркие полотнища — готовили зримые лозунги. Поглазев на одуревших от жары и своего фанатского рвения шумливых плакатистов, сочинивших слоган: “Россия — слон, ломай заслон!” — Андрей одобрительно кивнул, словно остался доволен хорошо исполненным заказом, и услышал первые такты вальса Мендельсона: звонила Светлана.

Рыдающим голосом она сообщила, что у Сонечки кризис, состояние резко ухудшилось и врачи опасаются за её жизнь.

— Андрей, я умру, если что-то случится...

— Это так серьёзно? — помня об её излишней эмоциональности и способности сгущать все краски до одного цвета — битумно-чёрного, уточнил он и рывком сел на кровати, готовый тотчас сорваться с места и мчаться в аэропорт.

— Да, — почти на крике, притопленном слезами, ответила Светлана. — Сонечке так плохо, ей все хуже...

— Еду! — на ходу прокричал в трубку Андрей и метнулся к тренеру.

Когда Николай Николаевич понял, о чём идёт речь, его лицо потускнело и как-то болезненно вытянулось. Даже очки поползли с переносицы.

— Без тебя — труба. Даже не знаю, как быть?

Андрей тоже не знал. Жизнь футболиста, как любого гастролёра, с её бесконечными перелётами, соревнованиями и постоянными нагрузками, целиком и полностью зависит от тех, кто составлял график его выступлений. Но эту жизнь с круговертью матчей, тренировок, интервью и всевозможных шоу, в которых он обязан участвовать, будучи связанным по рукам и ногам контрактом, подписанным с клубом, он выбрал сам, по своему желанию, ещё не сознавая, какую фигу она может ему вывернуть в самый неподходящий момент.

— Николай Николаевич, отпустите. Я всё понимаю, но у меня дочь при смерти! Я по-любому свало.

— Что же ты раньше молчал! — воскликнул Кучер. — Я бы тебя не включал в сборную.

— Раньше терпимо было.

— Терпимо, — передразнил его тренер. — Говорил болвану: погоди, не лезь в хомут — шею натрёт.

Он походил из угла в угол, глянул на часы. Покачал головой, не представляя, кем заменить Андрея в предстоящих играх, и тяжело вздохнул.

— На две игры, не больше.

Подвёл его Андрей, конечно, капитально.

Глава одиннадцатая

Прилетев в Шереметьево, Андрей взял такси и вскоре доехал до клиники. В приёмном покое его дождалась Светлана.

— Андрюша! — воскликнула она и запахнула на груди халат. — А нам сегодня лучше.

Он привлёк её к себе, и она заплакала.

— Как хорошо, что ты приехал, что ты с нами. Я прямо извелась. Ты представляешь? — Жена повела его по коридору, объяснив, что в бокс зайти будет нельзя, но она покажет ему дочь через стеклянную дверь. — Как только где послышатся шаги, даже малейший шорох, Сонечка вся превращается в слух, поднимает пальчик и говорит: “Па-па!” Я думала, у меня сердце разорвётся! Представляешь?

— Представляю... — У Андрея защекотало в носу. Навернулись слёзы.

Он передал дочери игрушки, которые купил в Германии перед отлётом, нужные лекарства и красочно иллюстрированную книгу “Курочка-ряба”.

В одиннадцать часов, после утреннего обхода лечащий врач Сонечки, известный гематолог с прекрасной репутацией опытного клинициста, позвал Андрея к себе в кабинет. Первым делом поблагодарил Андрея за добытые им лекарства, ознакомил с ходом лечения и сказал, что кризис миновал, дня через два Сонечку можно будет выписать из клиники.

— Сделаем ещё одно переливание крови и отпустим домой.

Андрей почувствовал, что у него заныло где-то глубоко внутри, словно насквозь проморозило. Перед глазами всплыло исхудавшее личико дочери.

— Она может... поправиться? — Слово “умереть” он так и не смог говорить.

Игорь Петрович вздохнул.

— Надежда всегда остаётся.

Возникла пауза. Давящая камнем тишина. Мёртвая, как в морге. Андрей опустил голову. “Всё, что угодно, только не это, — билось у него в мозгу. — Всё, что угодно”.

Через три дня Сонечку выписали, и он, крепко прижав к себе дочь, поспешил за Светой, которая несла пакеты с детскими вещами.

Глава двенадцатая

С тяжёлым сердцем возвращался Андрей в команду, на чемпионат. Перед отъездом со Светланой случилась истерика. Рушить карьеру, подчиниться воле жены? Остаться дома или возвращаться на чемпионат? Ехать, не ехать? Это было одно из самых трудных решений в его жизни. Самое трудное. Футбол любят все, но лишь немногие бросают всё ради него.

Первую игру в своей группе сборная России провела с Турцией. Этот матч Андрей смотрел у себя дома по “ящику”. Волновался и переживал ужасно. В первом тайме кривой ятаган турецкой атаки располосовал нашу защиту и уложил Глеба. Один-ноль. Держись, не падай.

Светлана демонстративно удалилась на кухню: было бы на что смотреть!

Низенький, коротконогий, но ужасно моторный нападающий турецкой сборной ещё дважды бил по воротам, но оба раза мяч уходил выше планки: Глеб переводил его на “угловой”. Турки думали о бакшише, о сладчайшем шербете и арбузной мякоти победы, в то время, как команда Андрея сушила сухари, мечтая, как о хлебной корке, о ничейном результате и дополнительном времени. Он это видел, чувствовал на расстоянии. Иван и Ефим, ломовые лошади атаки, еле ноги таскали по полю. Вымотались зверски. Ник-Ник держался молодцом. Даже с судьёй препирался.

Андрей сходил на кухню, выпил сока, поиграл с дочерью и вернулся к телевизору в тот момент, когда Иван красиво дал “на ход” Ефиму, и тот не сплеховал — убийно расквитался с янычарами.

Ничья. Нормальная ничья.

Пусть сухари, но зато ржаные, самые вкусные.

Через два дня он понял, что пора улетать на турнир: второй матч ребята проиграли 0-1, причём кому — словакам! И это лишний раз указывало на то, что место Андрея сейчас там, в команде.

Увидев его в дверях своего номера, Николай Николаевич обрадованно встал навстречу, потряс руку и расспросил о дочери. О разладившихся отношениях с женой Андрей рассказывать не стал. Сам виноват. Как говорит Иван: “Хорошо тому, кто в детстве слушал маму”. Ещё, разумеется, тренера.

На следующий день играли с немцами. Ничья не давала шансов пройти в плей-офф, только победа. Но как её вырвать у немецкой машины, да ещё на родном поле?

Стоя в шеренге рядом с Рамзаном и Ефимом и окидывая взглядом предстоящее футбольное ристалище, Андрей снова подумал, что зелёное поле стадиона, травяной газон и добротное сукно бильярдного стола удивительно похожи. Подумал и вспомнил “удар скорпиона”, о котором он как-то забыл и который поразил его в своё время: резко и точно подкрученный шар превращался в бумеранг.

Как только Андрей услышал стартовый свисток и завладел мячом, в него влилась наглая уверенность в победе, которую принесёт ему “удар скорпиона”.

При первой атаке он отдал мяч Рамзану, тот перекинул Ефиму, и мяч от ноги немецкого защитника ушёл за пределы поля. Клубок хитросплетений чёрно-жёлтых фигур у вратарской площадки после подачи углового начал стремительно разматываться. Ефима грубо “кованули”, он двинул обидчика доктем — тот понёс буром. Плохо воспитанный мальчик. Самый настоящий “немец-перец-колбаса”. Андрею тоже досталось. “С таким чугунным лбом только в футбол играть”, — обозлился он, потирая ушибленный нос: проверил, не пошла ли кровь?

Эх, немчура, ведь вы уже разгромили и турок, и словаков, вам даже ничья не нужна с нами. Ну, что вам стоит проиграть нам?

Немцы беспрерывно атаковали весь первый тайм и до половины второго, но ближе к концу матча Андрей на контратаке всё же заставил немецкого голкипера скорчить мину недоульства, когда так закрутил мяч, что он тотчас отскочил назад — прямо под удар ноги и сверкнувшей молнии. Разразилась гроза. Ливень хлестал так, что через пять минут газон превратился в болото. Бутсы квакали, точно лягушки. Порывы шквалистого ветра выворачивали

наизнанку зонтики болельщиков. Но Андрей ликовал: он сделал, что задумал, — исполнил “удар скорпиона”! Забил гол. Расписался в мастерстве. Оставил автограф в книге почётных гостей. И вообще, когда он работал, мортала по полю, даже под проливным дождём, он всё равно “гулял”, душа его летала, а сердце переполнялось восторгом. Что ни говори, он занимается любимым делом! Это ли не радость? И финальный свисток озарил табло радостными словами и цифрами: Германия — Россия 0-1. Немцы и русские в четвертьфинале.

Лишь бы Сонечка выздоровела...

Вечером на форуме чемпионата появился провокационный слоган: “Нападение на Европу! Русские идут!”

Затем сборная России рублилась за выход в четвертьфинал.

“Сыны любимые победы, сквозь огонь окопов рвутся шведы...”

Не прорвались.

В матче с ними Андрей дважды исполнил “удар скорпиона” и дважды вратарь доставал мяч из сетки.

— Поздравляю, — сказал Кучер на собрании. — Команда выполнила программу-минимум. Впереди у нас три дня отдыха и тренировок.

Шаткая, непрочная конструкция европейского турнира напоминала собой грубо сколоченную этажерку, на верхнюю полку которой, и так уже заваленную книгами, взгромодили сундук с барахлом и коробку с новогодними игрушками. В любой момент всё это могло рухнуть и похоронить надежду русской сборной на выход в полуфинал. Короче, не забрасывайте женское бельё на люстру — вам же его и доставать. О финале, честно говоря, не думали, хотя и петушились.

Глава тринадцатая

Бумс!

Французские защитники прошляпили передачу Ивана, и первый гол от ноги Ефима влетел в сетку ворот.

— Хорошо ты им впендиорил! — похвалил его Андрей и поправил капитанскую повязку. Второй четвертьфинальный матч начинался неплохо. Казалось, вот только что отзвучали гимны России и Франции, только что Андрей подтянул до колен красные гетры и чиркнул мизинцем по белому просвету: загадал, чтобы игра прошла без травм, а уже есть повод сказать: “Дорога ложка к обеду”.

Ник-ник перехватил его взгляд и жестом показал: играй! Рано победу праздновать. Французы произвели замену, и в это время пошёл дождь. Да оно и шло к тому: с утра нещадно парило, к началу матча небо потемнело.

Тренеры забились под навесы. Болельщики дрожаще кучковались под зонтами, укрывались транспарантами. Одни лишь боковые судьи пристально следили за игрой и не отвлекались на такие пустяки, как гром и молнии. Их назойливая услужливость могла навести на мысль, что ещё недавно они подрабатывали официантами в шикарных ресторанах.

В раздевалке, во время перерыва, Кучер пристыдил ребят.

— Вы кого испугались? Французов? Да у них, кроме амбиций и звания экс-чемпионов мира, ничего нет. Милованов, Куренцов, Темирхоев? В чём дело?

— Да мы это, — начал оправдываться Иван, поглядывая то на Андрея, то на Рамзана. — К штрафной никак не подберёмся.

— Скользко, — пояснил Андрей.

— Бутсы, блин, размокли на фиг, — в тон ему отозвался Ефим. Этот довод, по-видимому, казался ему столь же мощным и неоспоримым, как негласное утверждение, что каждый немец — американец, а каждый американец — шпион. Не зря у них все фильмы про “агента 007”.

Ник-Ник минуты три корректировал его ответ с таким расчётом, чтобы тот понял: не надо стучать ему по черепу — там никого нет. Поспешая дать последние наставления, он не стеснялся в выражениях.

— Повторяю, не грубите. Кто скозлит, получит по рогам. Вперёд, паршивцы! — Это у него, как присказка, знак доброго расположения духа и веры в победу.

— Дождик лил нам на рыло, — выбегая на поле, по-блатному загундосил Ефим, и ребята рассемялись.

Комментируя этот матч, закончившийся поражением французов, многие футбольные эксперты сходились во мнении, что сборная России представляет собой “прекрасно сыгранный оркестр”. Все они выделяли игру Андрея и отмечали его виртуозное владение мячом. О нём заговорили, как о футболисте экстра-класса, который любого “обстучит”, обставит, восхитит зрителей и утрёт нос вратарю. Сам определит момент удара, сам пробьёт или прострелит так, что не забить с его подачи просто стыдно.

Электронная почта “Армады” была переполнена восторженными отзывами фанов. Все они сводились к одному: “Курень — ты супер! Циркач в натуре”.

В полуфинале играли с голландцами.

Они завозились около нашей штрафной, ещё не понимая, что их стоперам не справиться с ушедшими в отрыв Андреем и Ефимом. Никто из них не ожидал, что очередной шквал контратаки сметёт их плотную защиту. На стремительной скорости Ефим обвёл левого крайнего голландцев, и тот, крутанувшись на месте, помчался за ним, пытаясь сорвать с него футболку, — хрена тёртого!

Ефим резко тормознул, раскинул руки и сыграл корпусом. Голландец, которому так понравился чужой “прикид”, что он готов был примерить его прямо на поле, кубарем перелетел через бедро и проехал по газону метров десять. Ефим тотчас стукнул по мячу, как раз под ногу набегавшему Андрею, и тот — в одно касание! — отправил его в нижний угол: резанул.

Вратарь голландцев сел на шпагат и болезненно поморщился: воткнул ему русский бомбила! Один — ноль. Уже адреналин.

После подачи углового в голландской вратарской “вырубили свет”. Куча мала. Мяч исчез в битве ног, свалке тел. Мелькали бутсы, локти, сбитые колени. Вроде и большое футбольное поле, а тесно на нём, ох, как тесно! Особенно, когда идут последние минуты матча. Боковые судьи смахивали на служителей зоопарка, бегавших вокруг клеток с экзотическими хищниками и гонявших сердобольную малышню, сующую представителям дикой фауны пряники и жвачку.

“Так и без костылей останешься, — возмущённо подумал Андрей, чувствуя на своём затылке жаркое дыхание волкодава — голландский стоппер повис у него на плечах. — На протезы не заработаешь”. Кажется, каждый голландский футболист, прежде чем выйти на газон, прошёл усиленный курс по спецпрограмме “Антикиллер”.

Андрей выпятился вбок, заметил мяч, отбитый чьей-то пяткой, и, пока никто не понял, что к чему, нашёл просвет и засандалил — мяч ушёл в ворота без возврата. Вратарь проводил его взглядом, повернувшись по-волчьи, всем корпусом. Видно, шею заклинило, продуло на сквозняке чужой атаки. Правильные финты — это хорошо, но правильные голы ещё забойней.

Андрей отбежал к бровке, под прицелы телеобъективов, и ладонью припечатал лоб. Трибуны отозвались рёвом: этот его жест ушёл в народ. Краем глаза он заметил, что Ник-Ник тычет в небо кулаком — рот до ушей. Счастливей. Со счётом 2:0 сборная Россия вышла в финал, обеспечив себе “серебро”.

Теперь журналисты не находили слов, чтобы выразить своё восхищение действиями русских игроков. В интернете писали, что Андрей Куренцов “проникал в штрафную площадку с изощрённостью маньяка” и третирует вратарей с особым цинизмом, оставляя их один на один с ужасом неизбежного гола. Какой-то остряк-самоучка напутствовал удручённых проигравшим голландцев обидной эпитетом: “Не выбрасывайте использованные презервативы: они могут заменить вам “Орбит” без сахара”.

Не только в Москве, но и во всех крупных городах России народ высыпал на улицу, заперудил площади и перекрёстки, а доблестная милиция

спустилась в метро, как в бомбоубежище. Очень уж неординарно вели себя фанаты. Народ бесновался: выход в полуфинал, победа в нём — за это стоит выпить. Серебро евротурнира на дороге не валяется. Выбить русских из чемпионата какой угодно ценой не получилось. Впереди — финал. И не с хозяевами чемпионата, а с итальянцами, которые в полуфинале своей скучной, но непробиваемой обороной изнурили немцев, и те проиграли в послематчевых пенальти.

Андрей связался с домом, спросил, как чувствует себя дочь, и услышал грустное “неважно”. Долго молчал, потом выдал из себя:

— Я тебя люблю.

— Я тоже, — ответила Света усталым голосом.

О своих голах, о победе сборной над голландцами он говорить не стал. Когда болен ребёнок, любая новость кажется печальной, а радость — неуместной.

На последней тренировке перед финальной встречей с итальянцами Николай Николаевич внёс поправки в план игры и захлопнул блокнот.

— Голландцы проиграли оттого, что намудрили в обороне. Итальянцы опасней. Во-первых, они техничнее французов, быстрее немцев, а во-вторых, они любят играть в футбол так же, как и мы. Это всё я говорю к тому, что нас тоже голыми руками не возьмёшь. Хотя, — он усмехнулся и отчего-то глянул на Рамзана, — итальянцы, как и мы, русские, более всего склонны умиляться своими прошлыми победами и авантюрно-острой игрой.

Слушая его рассуждения, Андрей уловил скрытый вопрос: готова ли команда к авангардной, по-настоящему высококлассной игре? Не успокоилась ли на достигнутом? Не допускает ли мысли о поражении, не перегорело ли в ребятах желание всеми силами удерживать лидерство на чемпионате?

А накануне финала в Берлине у Андрея вновь состоялся отвратительный телефонный разговор. Позвонил тот же самый человек, который звонил перед матчем с “Сапфиром”:

— Андрей Юрьевич, я буду краток. Надо, чтобы ворота итальянской сборной остались сухими. Благодарность будет безмерной. Вы меня поняли?

— Нет, не понял, — зло ответил Андрей.

— А у вас всё хорошо в жизни складывается? — Вопрос был задан угрожающим тоном.

— А вас это не касается! — И Куренцов отключил свой мобильник.

Звонил явно сумасшедший. Маньяк, строящий из себя таинственного властителя мира сего.

Глава четырнадцатая

Итальянцы сразу завладели мячом и устремились в атаку. Их форварды хорошо бегали, валом пёрли на ворота Глеба, но он трясся над их неприкосновенностью, как директор старого кладбища над последней вырытой могилой. Отправляя мяч на угловой, он всякий раз был похож на человека, который сел перед экраном телевизора, чтобы насладиться музыкой Вивальди в исполнении “Виртуозов Москвы”, и неожиданно узнал, что вместо Владимира Спивакова дирижировать оркестром будет Максим Галкин.

Кто-то из наших защитников грубо “тормознул” итальянского полузащитника в штрафной площадке, и судья сразу назначил пенальти. Шум, гам, свист. Где-то открылась мыловарня, и “русская” трибуна хотела сделать всё, чтобы судья туда попал. Отнюдь не для ознакомления.

Итальянский форвард разбежался — и Глеб пропустил мяч. Один — ноль. Теперь всё было предсказуемо: они уйдут в глухую оборону, и их не пробить, как черепаху. А если забьют ещё, то никакое чудо не спасёт россиян.

Начиная с центра поля, Андрей перекинул мяч налево и бросился следом. За ним, как борзые за русаком по первотропу, ринулись “опекуны”. Он сильно и точно перевёл мяч Рамзану, и тот, не мешкая, перевёл его Ивану — длинным навесным пасом. Получив мяч, Иван погнался к воротам, да как погнался! На спринтерской скорости. Не менее семисот километров в час! Как будто он ощутил пульсацию космоса в своём ретивом сердце.

Куда там “Формуле-1”! Рамзан припустил следом: взыграла кровь вайнаха. Иван обошёл защитника, промчался вдоль бровки, вильнул влево и пробил. Зараза! Штанга. Это поезда ходят по расписанию, их локомотив тянет, а мячи, блин, круглые, у них свой график попадания в ворота.

Кончился первый тайм, второй тянулся долго и беспросветно. Итальянцы ушли в глухую стену обороны. И всё же во время очередной, казалось, безнадежной, как все предыдущие, атаки наших, находясь спиной к воротам, Андрей непостижимым образом рассчитал посыл Ефима, подпрыгнул, успел подставить голову и удачно направил верховой мяч под планку в ближний угол. Гол! Не может быть! Один — один!

Теперь можно было надеяться на серию послематчевых пенальти. Но её не понадобилось. На последней минуте основного времени Куренцов, завладев мячом, откатил его Ивану и махнул, мол, двигай сам, и тот пошёл, пошёл, как за последней электричкой. Параллельно ему устремился Андрей. Бровку контролировал Ефим. Обыграв двоих соперников, Иван сильно прострелил на ход Андрею, и Куренцов не сплеховал: ударил с лёту — в левый нижний угол. Амба!

Итальянцы опупели. Бросились к судьям, требуя признания офсайда. Но те, вопреки ожиданиям, трясли башкой: офсайда не было! Всё чисто.

Как ни сильна, как ни вынослива была итальянская сборная, но и она слетела с катушек. Punto finale! — русские поставили последнюю точку, и началось то ликующее рукоприкладство, без которого ни один матч не может быть признан состоявшимся. Что творилось на трибунах — уму непостижимо. Триумф полный. Стадион в одно мгновение превратился в гигантскую летающую тарелку, решившую стартовать с обезумевшей Земли с помощью пороховых ускорителей. Евроконтинентальный форум салютовал достойным.

Николай Николаевич Кучер сиял и был похож на любительский снимок жениха на сельской свадьбе, обработанный в фотошопе мастером однозлого глянца.

На послематчевой пресс-конференции, чувствуя в своих руках приятную тяжесть Кубка Европы, Андрей не знал, что сказать, бормотал что-то банальное, что это его самая желанная победа. Золото чемпионата — это великий предел, достичь которого желают многие...

Глава пятнадцатая

— Ты жуткий эгоист! — услышал он на пороге своего дома. — Почему ты так редко звонил?

Андрей втащил сумку в прихожую и обнял жену.

— Соскучился — нет сил.

Он ещё не сознавал, что с каждым его успехом стена, разделяющая его со Светланой, будет становиться всё прочнее и непреодолимей.

На следующий день команду чествовали в “Лужниках”, а вечером в Кремле состоялся званый ужин — бал в честь победителей. Его готовили и в случае выхода в полуфинал, а тут — не только финал, но и победа в чемпионате Европы! Первая после 1960 года. Администрация президента не поскупилась: столы ломились от яств и напитков.

Андрей аплодировал награждённому вместе со всеми и ждал, когда наступит его очередь. Ждал с тем загаённым нетерпением, с каким не ждал, наверно, дня своей свадьбы и того момента, когда работница загса объявит его со Светланой мужем и женой. Ждал, когда назовут его имя, но всё равно прослушал: оглох от ожидания. Он лишь почувствовал толчок Ивана, стоявшего рядом, и услышал его шёпот: “Тебя”.

От волнения Андрей запомнил, что говорил в своей ответной речи, получив первый в своей жизни орден, но хорошо запомнил слова главы государства.

— Надеюсь, не последний.

Уже вернувшись на место, в шеренгу друзей по команде, он мысленно пообещал себе, что станет чемпионом мира. Во что бы то ни стало.

Затем был банкет, на который съехались видные предприниматели, знаменитые артисты и заправилы масс-медийной индустрии. Присутствовали на нём и члены правительства. Среди знакомых Андрей увидел Широглаза, оживлённо беседовавшего с главой кабинета министров. “Надо будет подойти к нему”, — решил он вначале, но потом передумал: нескромно всё это.

Большинство приглашённых были с женами и даже с детьми, достигшими совершеннолетия. После застолья молодёжь пригласили на танцпол.

Светлана тоже могла пойти с Андреем и даже стала собираться, решив оставить дочь под присмотром няни и Ольги Владимировны, но в последний момент передумала: “Езжай один. Я что-то плохо себя чувствую”. Андрей не стал настаивать. Не хватало, чтобы она устроила ему сцену ревности на людях или, придравшись к какой-нибудь мелочи, потребовала везти её домой немедленно. Что ни говори, а российский спортивный истеблишмент пополнился ещё одним именем: Андрей Куренцов. И всего того, что сделало его невероятно знаменитым, он добился сам. Не угодничал, не трусил, не шёл на стовор с околоспортивной шатией, был честолюбив, но не тщеславен, и никто не мог сказать, как говорят о многих популярных людях, что он профессиональный негодяй, галантный аферист или обаятельный циник. Он даже не амбициозный плейбой, что в его возрасте было бы простительно, нет, он просто классный футболист — центральный нападающий московского клуба “Армада” и национальной сборной, признанный лучшим бомбардиром Европы. Пусть кто-то этого не понимает, интригует и завидует, но теперь он может с лёгкой душой повторять слова президента, сказанные о нём: “Капитан нашей команды, Андрей Куренцов, финальную игру построил, как парус натянул! Поймал попутный ветер, а заодно с ним и победу в чемпионате. Настоящий морской волк, прошедший грозы и шторма спортивных состязаний. Мы думаем, что и тайфун чемпионата мира он сможет укротить. Честь и слава герою!”

Сколько Андрей раздал автографов — уму непостижимо! Чуть рука не отвалилась. Людей понять можно. На протяжении стольких лет российский футбол вызывал отчаяние, особенно игры сборной, а тут такое дело — потрясающий финал! Море эмоций.

К Андрею подошёл с фужером коньяка громоздко-тучный увалень, лет сорока пяти, представился: “Кайманов”, — и предложил выпить за успех.

— Лучше за знакомство, — ответил Андрей. — От успеха у меня и так голова кружится.

— Ха-ха! А ты мне нравишься, — обрадованно чокнулся с ним человек гора, сразу обращаясь на “ты”. — Чувство юмора наше.

По тому, как он держал себя, а перед этим весьма непринуждённо разговаривал с премьер-министром, можно было предположить, что новый знакомый Андрея является крупной акулой в мире транснациональных корпораций, типичный олигарх. Из тех, кто много знает, но ещё больше имеет наличных и безналичных средств. Официант с подносом услужливо принял из рук Андрея опустошённый бокал и предложил взять новый, наполненный виски. Андрея слегка повело, но он не отказался. Имеет право. Сегодня его день.

Олигарх выпил с ним и, пробурчав что-то невнятное, больше похожее на перемещение газов по кишечнику, нежели на логически связанную речь, пожелал узнать, когда Андрей “изволит навестить его в качестве *“persona grata”*”?

— Я не знаю, — честно признался Андрей и даже приложил руку к сердцу, видя явное неудовольствие на лице гостеприимного миллиардера. Заодно почувствовал, что малость опьянел. — У меня дочь.

— У меня тоже, — посмотрел по сторонам Кайманов и сделал неопределённый жест рукой, — где-то здесь. Дочурка. — Он полез во внутренний карман и вручил Андрею визитную карточку. — Понадоблось, звони. — Прощаясь, предупредил с нажимом: — Не тяни с визитом.

Андрей проводил его взглядом и не успел спрятать визитку, как зазвучала музыка, и кто-то тронул его локоть.

— Разрешите?

“Да я вроде как не танцую”, — хотел ответить Андрей, но вслух сказал: — Пойдём.

Конечно, лучше было бы отказаться, а если и не отказаться, то хотя бы ответить солидней, типа: “Извольте”, — но он уже брякнул: “Пойдём”, — и повернул голову. Перед ним стояла коротконогая деваха с тёмно-фиолетовыми тенями вокруг глаз и полными губами, зовущими жемчужным блеском. На её шее, перекрывая ключицы, сияло бриллиантовое ожерелье.

Андрей извинился, поставил опустошённый бокал на поднос официанта и повёл девушку в танце. Вальс его научила танцевать мать, а до всего остального он доходил сам.

— Вы хорошо меня ведёте, — отчего-то хриплым шёпотом поощрила его девушка и прижалась ближе. Андрей почувствовал её живот и бёдра. — Кстати, — оборвала она себя на полуслове и скосила глаза так, чтобы видеть выражение его лица, — я давняя ваша поклонница.

— Да меня все теперь знают, — ответил Андрей, не понимая ни своего самонадеянного тона, ни своей настороженности, поскольку прекрасно понимал, что ничего пугающего он не услышит, но сказал так, как сказал: “Меня все теперь знают”.

— Нет, — с какой-то особой проникновенностью в тоне возразила она. — Так, как знаю вас я, вас никто не знает. — Видя, что Андрей не собирается ей отвечать, она вздохнула. — К сожалению, я знаю вас больше, чем себя. — Она отстранилась, напустив на себя загадочность и непритворный ужас. И без того крупные глаза ее расширились, рот приоткрылся.

— Себя можно не знать, — великодушно ответил Андрей. — Людям это свойственно.

Она уловила его отстранённость и на какое-то время умолкла. Выдержала небольшую паузу и негромко позвала.

— А вам не хочется узнать, с кем вы танцуете, как меня зовут?

— В принципе, нет, — прямодушно ответил Андрей. — Но если вы сочтёте мой ответ бестактным, я тотчас откажусь от своих слов и вежливо спрошу, как вас зовут?

— Ой, клёво! — воскликнула она с тайным восторгом ребёнка, которому впервые в жизни доверили спички, чтобы развести костёр. — Я просто угораю.

— Итак, — он галантно замедлил движение в танце, — меня зовут Андрей. А как зовут вас?

— Вероникой. Мой папа сейчас с вами разговаривал и пил на брудершафт.

— Понятно. Красивое имя.

— Мерси.

Звуки вальса стали затихать, и Вероника ласково предупредила, отпуская его руку:

— Следующий танец за мной. Надеюсь, пригласишь?

Лицо её стало расплываться — Андрей почувствовал головокружение. “Мне совсем нельзя пить”, — подумал он и заявил вслух:

— Никак нельзя.

Такого ответа дочь олигарха никак не ожидала. Губы её задрожали.

— Ты — мне? — она едва справлялась со своей обидой. — “Никак нельзя” — это мне? Я не могу рассчитывать на танец?

— Рассчитывать мы все, конечно, можем, — пьяно пошатнувшись, уточнил Андрей, когда музыка смолкла, — но мне надо домой.

— К жене? — пальцы её ослабли, но руку его не отпустили. Андрей заметил взгляд Ивана: “Это кто?” Махнул ему, мол, всё путём, всё под контролем, и утвердительно сказал:

— К жене. Я, если хочешь знать...

— Молчи, — она закрыла ему рот своей ладонью. — Твоей женой отныне буду я.

— Почему ты? — удивился Андрей, почувствовав сухость во рту и непонятную злобу.

— Потому что я тебя люблю! — прошептала ему в грудь Вероника, запрокидывая голову, чтоб он имел возможность посмотреть в её глаза. —

Давно. Без горбылей. — Она приподнялась на мысках туфель, чмокнула его в подбородок и подтолкнула к выходу.

— Всё. Предки согласны. Ты мой.

— Никогда, — трудно справляясь с дурнотой и нарастающим раздражением, твёрдо ответил Андрей. — Я твоим не буду никогда.

— Ты хорошо подумал? — прошипела Вероника, тыча ему пальцем в грудь. — Ответь.

Андрей не ответил. В голове шумело, пол уходил из-под ног, и он наконец забыл, что молчание — невыносимейшая из реплик.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава первая

Честное слово, приятно сознавать, что своему успеху ты проложил дорогу сам, сам протянул ему руку и ощутил ответное пожатие. Задумал — сделал. Так было, а вот так стало. Это ощущение счастья, успеха, собственной удачливости и, чёрт возьми, вполне понятной исключительности отродно веселило, ошпыняло, шекотало самолюбие — до лёгкой дрожи и головокружения.

Глянцевые журналы без устали лакировали его изображение, известные телепродюсеры наперебой предлагали огромные призовые за участие в их грандиозных проектах и феерических шоу. Денег с каждым днём становилось всё больше, и Андрей просто не понимал, на что их ещё можно потратить. У них со Светланой была роскошная квартира, эксклюзивная мебель, в доме появился антиквариат, и он всерьёз подумывал купить приличный особняк в Немчиновке или на Рублёвке. Как говорит Ефим: “Счастье не зависит от денег, но какая-то его доля напрямую зависит от них”.

Можно было поменять машину, но изумрудный “Lexus RX 400 h”, подаренный Широглазом, Андрей отдал Свете и продолжал ездить на своей “бэхе” — седьмой модели BMW. Он к ней привык, и она его вполне устраивала.

Правда, вчера на Крымском мосту, напротив метро “Парк Победы”, Андрея подрезал старый “мерин”, за рулем которого оказалась симпатичная девушка, вынужденно нарушившая правила дорожного движения. В результате столкновения левая фара “посыпалась”, и он отогнал свою машину в сервис, где совершенно случайно встретил дворового хулигана Жабу — Виктора Жулебина, сильно раздобревшего и внешне как-то залоснившегося.

Разговорившись с ним, Андрей узнал, что после школы Жабка вписался в шуструю “бригаду”, повесил на шею золотую цепь толщиной с буксирный трос и стал наезжать на торговцев: требовать денег за “охрану” товара. Сначала дань составляла чисто символическую сумму в десять баксов, но потом повышалась до среднестатистических показателей добросовестного рэкета. “Покайлив на люберов”, он сколотил какое-никакое состояние и резко пошёл в гору, расширяя сеть автомоек и сервисных центров дорогих иномарок, преимущественно немецкого производства.

— Оставляй тачку и ехай, — обнадёжил он Андрея. — Уж кому-кому, а другу детства, Циркачу, мои мастера всё сделают тип-топ, без брешешь. Завтра утром заберёшь.

Он предложил “обмыть встречу”, но Андрей наотрез отказался. Дел по горло, да и дочь лежит в больнице, надо съездить проведать.

— Ясно, — с лёгкой обидой поёрзал в кресле Жабка и протянул руку. — Гуд бай.

Пожимая его потную ладонь, Андрей услышал вопрос: — Слушай, а ты в Роттердаме бываешь?

— Изредка, когда играем с местным клубом.

— Мне вот что надо, — выбрался из-за стола Жабка. — Презентик один передать. Тебя встретят.

Андрей выдержал испытующий взгляд “друга детства” и отрицательно покачал головой.

- Нам запрещено.
- Да там всё чисто, просто информация одна. Не для чужих.
- Не обижайся — отказал ему Андрей. — Найди кого-нибудь другого.
- Без проблем! — пряча от Андрея жюльнический взгляд, торопливо согласился с его доводами Жаба. — Всё понятно.

В доме спортивной моды, куда Андрей часто заходил по приглашению знакомого дизайнера, щедро оплачивавшего его визиты, он совершенно случайно встретился с Дашей. Она сделала такой изумлённый вид, словно на его голове вместо привычной бейсболки хищно топорщился затёрханный трехсельского сторожа или сидела ворона. Едва кивнув и фальшиво улыбнувшись, напрямую спросила, хочет ли Андрей увидеть её голой.

— Ты уже, наверно, позабыл, какой у меня зад и всё такое, — вильнула она бедрами и приподняла грудь двумя руками. — Признавайся.

— Нет, — устыдившись её развязности, ответил Андрей, сам не понимая, отчего ему так неприятно видеть свою бывшую подружку.

— Я слышала, что ты женился? Когда успел?

— Успел, — чувствуя, что не справляется с улыбкой и нахлынувшим самодовольством, ответил Андрей.

Даша полезла в свою сумочку из кожи какой-то змеи, окрашенной в жемчужный тон, пошурудила в ней, удостоверилась, что всё на месте, и щёлкнула замком.

— Значит, всё? Ты весь из себя правильный? Погрузился в идиллию семейной жизни по самые помидоры? — В её вопросах сквозила издёвка. Узвзлённое самолюбие требовало сатисфакции. Андрей промолчал. Почувствовав его холодность, она снова взялась за сумочку. — Может, заглянешь, выручишь по старой дружбе? Когда жене будет “низзя”? Прочистишь кран на кухне? — Она вульгарно подмигнула и ткнула себя пальцем в грудь. — Надо склеить разбитое сердце.

Андрей отставил бокал с минералкой и твёрдо сказал:

— Нет. Забудь, что было.

Она закусил губу, развернулась и зашагала прочь, гордо вздёрнув подбородок. Проходя мимо стайки светских хроникёров, неожиданно обернулась и погрозила пальцем.

— Будь внимателен на перекрёстках!

Через несколько дней после этой негаданной встречи, получив машину в автосервисе, Андрей отправился на тренировку и по пути подвёз симпатичную девушку, мокнувшую под дождём в одном лёгком платье. Не успела она сесть в салон, как дождь усилился. Через две минуты он уже хлестал, заливал лобовое стекло, — “дворники” мотались, как бешеные, и не успевали смахивать воду.

— Вот спасибо, — рассыпалась в благодарностях девушка, поглядывая на промокших пешеходов и мутные потоки, несущиеся по мостовой. — Забыла дома зонтик.

Андрей резко притормозил перед “зеброй”, пропустил старуху с мопсом на руках, затем бродягу с детской коляской, доверху набитой каким-то барахлом, пацана на “роликах” и спросил девушку, что она ищет у себя в ногах?

— Мобильник уронила, — покраснев, ответила она и разогнулась. — Вы так резко затормозили.

— Извините, — буркнул Андрей, наклонился, пошарил рукой и подал ей скромненькую “мотороллу”. — Она?

— Она, — кивнула девушка, и они разговорились. Андрей вскоре узнал, что зовут её Таней и что работает она в редакции газеты “Дейли-спорт”.

— Нет, не журналист, менеджер по рекламе, — ответила она на его вопрос и одарила благосклонной улыбкой. — Я вас сразу узнала, — расправляя влажное платье на коленях, обрадованно заговорила она. — Девчонки обалдеют, когда я им скажу, что познакомилась с самим Куренцовым!

Он уже привык к тому, что его узнавали на улицах, и девушки в последнее время сами заговаривали с ним.

— Любите футбол?

— Больше теннис, — смутилась она, и он понял, что кривить душой она ещё не научилась.

— Всё равно, — сказал он. — Запишите мой контакт. Если захотите посмотреть финальный матч “Армады”, одна или с подружкой (билеты на него всегда достать проблематично), позвоните: я организую. Только звоните заранее.

— Ой, — произнесла она и занесла номер его телефона в свой контактный файл. — Если это вас не затруднит.

— Ничуть, — отозвался Андрей и высадил её там, где она указала. Рядом со станцией метро “Новослободская”.

Двенадцатого июля возобновился чемпионат России по футболу. Сборная распалась. Игроки вернулись в свои клубы. Кто-то сел на лавку запасных из-за давних трений с коучем, кто-то “добегивал” перед новым трансфером. Андрей никуда не собирался уходить из “Армады”, в которой отыграл уже два сезона и добивал третий. Да его бы и не отпустили. Он теперь не просто Курень-Циркач, нападающий и капитан команды, он ещё и чемпион Европы. Настоящая звезда, чёрт бы вас побрал! Теперь никто не скажет: “Здрасьте, это ещё что за чмо? Вас здесь не стояло”. Стоял. Навеки встал на пьедестал почёта. Историю чемпионатов не переписать. Это не история болезней или история страны. Это нечто иное, нейтрально-стабильное. Никого особо не волнующее и оттого незбылемое.

На одном из футбольных сайтов он прочёл, что цена на него в европейских трансфер-листах поднялась до двадцати пяти миллионов евро. Московское “Зарядье” и питерская “Плеяда” готовы были вести речь о сумме, значительно большей. На вопрос Аркадия Львовича о его “заветном желании” Андрей дипломатично ответил:

— Хочу играть в “Армаде”.

Новый контракт обещал новую ставку, как зарплаты, так и премиальных, но менять команду не хотелось. Сыгранность дорогого стоит. Да и с ребятами сдружился. Аркадий Львович ничего не сказал, но руку пожал с чувством. В общем, ничто не предвещало ближайших перемен в судьбе, и Андрей оставался доволен собой: неплохо потрудился.

Ему лестно было читать о себе хвалебные отзывы, но он понимал: то, что говорилось о нём как о футболисте сегодня, вряд ли останется верным какое-то время спустя. У спортсменов век короткий.

После тренировки Андрей вместе со всеми вышел на улицу, зашагал к своей “бэхе” и уже собирался сесть за руль, как его окликнули:

— Андрей!

К нему приблизилась симпатичная рыжеволосая девушка в белом топике и белых шортах, с красивым “цейлонским” загаром, и, представившись подружкой Ивана Милованова, попросила подбросить её до метро или на Куззовский проспект, как ему будет удобней.

— Можно на “ты”? — спросила девушка и назвалась Жанной.

— Как вам угодно, — без видимой охоты согласился Андрей и тронул машину с места. Жанна назвала адрес. Это было не совсем по пути, но Андрей решил, что вполне может оказать любезность, довезти подружку Ивана до дома, тем более что она, сославшись на ссору с его другом, просила передать ему те вещи, что он оставил у неё. Ветровку, махровый халат и ещё что-то по мелочи.

— Сама не хочешь передать?

— Нет, с меня хватит, — жёстко отрезала Жанна, но уже через минуту с жаром рассказывала о своей испепеляющей любви к Ивану и о том, что, будь её воля, она бы его “своими руками удушила”.

— Кобель чёртов!

Из её пламенного монолога Андрей понял, что она — “коренная москвичка скромного достатка”, но после окончания театрального училища стала сниматься в телесериалах и надеялась на успешную карьеру в мире киноискусства. Внешность у неё была смазливая, речь — модно-похабная, вот разве что движения... как бы заучены: раз и навсегда. Претензия на изящество всегда выглядит вульгарно. Быстро сообразив, что она собой представляет,

Андрей потерял к ней интерес и врубил магнитофон с доисторической композицией “Led Zeppelin” на полную катушку.

Глава вторая

Когда Андрей вошёл вслед за Жанной в квартиру, ему в глаза бросился беспорядок.

— Проходи, — довольно грубо подтолкнула его Жанна и сунула ему в руки спортивную сумку. — Держи. Это Ивана. А на раскардаш не обращай внимания. Это я вещи отбираю для своих родственников. — Она быстро прошла в ванную, подала ему тюбик зубной пасты, щётку и расчёску, велела подождать, открыла платяной шкаф, попросила придержать дверцу, и Андрею ничего не оставалось делать, как помогать ей.

— Чертова куртка! Куда же она, блин, запропастилась? И шлепанцы, зараза, не могу найти. Где-то здесь, а где? — Жанна резко выдвигала ящики комода, швыряла на пол их содержимое и не уставала повторять, что с Иваном, “этим гадом”, просто невозможно жить нормальной девушке. — Я на съёмки, он в бордель! — Часть вещей она отгребла ногой в угол и велела Андрею увязать их в узел из старой простыни. — Я эту шваль уже носить не буду, а в деревне любой тряпке рады. Ближним надо помогать, не так ли?

— Конечно, — согласился Андрей, не понимая, почему сортировкой вещей нельзя было заняться в другой раз? Он даже чертыхнулся про себя: умеют бабы мужика запрячь, заставить делать то, что нужно им.

— Да ты садись, я быстро, — направились она к двери. — Возьму у соседки ключи, дубликат. Я была в отъезде, просила её почту забирать, да и вообще, присматривать, вдруг кран прорвёт или ещё чего? Иван в таких делах плохой помощник. — Она посмотрела на дисплей своего мобильного и как-то нервно передёрнула плечами. — Да брось ты эту сумку.

— Может, я пойду?

— Ты что? — чуть ли не силком усадила она его на кухне. — Я ещё ветровку не нашла. Ключи заберу и вернусь. Туда и обратно.

Она выскочила из квартиры и захлопнула за собой дверь.

Торчать на кухне Андрею никак не хотелось, и он вышел в коридор в тот самый момент, когда в квартиру вломилась ОМОНовцы.

Его сбили с ног, заломили руки за спиной, сцепили их наручниками. Короткоствольный автомат упёрся в ухо — по щеке потекла кровь. Обшарили карманы, изъяли документы и мобильник. От растоптанных ботинок милиционеров остро разило потными ногами и жирным гуталином.

Андрею вменили в вину попытку ограбления квартиры гражданки Водозовой Жанны Анатольевны. Эксперты-криминалисты обнаружили отпечатки его пальцев на дверце холодильника, кухонном столе и полированных поверхностях мебели.

Ошеломлённый натиском ОМОНа, сбитый с ног, с заломленными руками, намертво стянутыми наручниками, Андрей никак не мог собраться с мыслями, чтобы понять толком, что произошло. Да и сними с него “ментовские браслеты”, посади в кресло и отведи от него короткие стволы десантных автоматов, он и тогда не понял бы значения случившегося. Слишком быстро всё свершилось. Неожиданно.

Андрей ощутил себя жертвой розыгрыша. О том, что это целенаправленный заговор, он ещё не думал. Он стоял перед решёткой камеры, как перед лицом своего несчастья, — убитый и раздавленный случившимся, и никак не мог найти ответа на горькие и гневные вопросы: почему это произошло именно с ним? Кто испытывает радость, причиняя ему горе и совершая очевидное зло? В глубине души он надеялся, что справедливость восторжествует. В его деле разберутся, и всё образуется, его освободят как арестованного по ошибке, по недоразумению. Он верил, что руководство клуба удастся сделать это без труда. Что ни говори, он капитан команды, европейский чемпион, ему пожимал руку президент страны; к тому же он ни в чём не виноват. Всё, что с ним произошло, подлая инсценировка. Перевод стрелок, как

говорят “блатные”. Его разум отказывался сознавать, что ещё никому в мире не удалось отделить тюремную камеру от ошибок правосудия так же, как невозможно представить ложь, коварство и предательство, царящие в мире, без сопровождающих их наветов, поклёпов и вероломства.

Затем Андрея вызвали на допрос, предварительно “откатав” его пальцы на дактилоскопической карте. Связаться с домом и руководством клуба не дали.

— Много хочешь, мало получишь, — мрачно отшутился узкоплечий капитан с впалыми щеками курильщика дешёвых сигарет. Он повертел в руках его водительские права, удостоверение игрока футбольной команды “Армада” и, внимательно сличив фотографию с “оригиналом”, презрительно швырнул документы в ящик своего стола. — Я таких ксив сколько угодно намалюю. Тоже мне, рисовщик!

Было, было в этой “подставе” что-то такое, чего Андрей никак не мог понять. Согласно заявлению гражданки Водовозовой у неё пропали золотая цепочка с кулоном в виде сердечка “из того же металла” и антикварный гарнитур, состоящий из диадемы с бриллиантами и колье, доставшиеся ей в наследство. Поскольку данных предметов у задержанного гражданина Куренцова Андрея Юрьевича при обыске не оказалось (тщательный осмотр квартиры результата не дал), дознаватели решили, что от вещественных улик “подозреваемый” успел избавиться, спустив их в унитаз, воздуховод или выбросив с балкона.

Через два дня участковый милиционер нашёл под окном квартиры гражданки Водовозовой Ж. А. золотую цепочку с кулоном, стоимостью в пятьсот восемьдесят рублей, которую опознала потерпевшая как свою личную. Данный факт прямо указывал на оперативную смекалку сыщиков и давал право рассматривать его как неопровержимое свидетельство умышленного сокрытия следов преступления со стороны задержанного. Суд выдал санкцию на арест, и Андрея поместили в следственный изолятор № 2. Сфоткали на память. Этому способствовало подлое стечение обстоятельств. Оказывается, спустя сутки после задержания Андрея в городскую прокуратуру поступило заявление от гражданки Паниной Алевтины Савельевны об исчезновении её дочери Татьяны, работавшей в отделе рекламы газеты “Дейли-спорт”. Девушка ушла на дискотеку и не вернулась домой. По чистой случайности, она забыла дома свой мобильник, в котором оперативники уголовного розыска обнаружили контактный номер Андрея. Он сразу же попал в круг подозреваемых и рассказал следователю прокуратуры, каким образом познакомился с пропавшей без вести Татьяной.

— Шёл дождь, смотрю, девчонка мокнет, взял, подвёз.

— Кончай трепаться, — не поверил ему коренастый крепьши с погонами майора, которому было поручено вести дело. — Классных тёлочек просто так в машину не сажает.

— Говорю, как было.

— Это ты сейчас так говоришь, — ухмыльнулся следователь, не сводя с Андрея изучающего взгляда, — потом запоёшь по-другому. Лучше сразу признайся, что грохнул девку, а труп закопал.

Андрей покачал головой: не было этого.

На следующий день его вновь вызвали на допрос и показали несколько фотографий, на которых был запечатлен труп Татьяны Паниной, найденный в лесном массиве Одинцовского района. Теперь ему предъявляли обвинение в её изнасиловании и убийстве путём удушения.

Андрею стало дурно. Чем тяжелее, несправедливее обвинение, тем труднее на него ответить. То, что произошло, вернее, то, что с ним сотворили, казалось актом какой-то дикой, ужасной по своей циничности пьесы, сюжет которой оставался не подвластен его разуму. Мир его жизни, его спортивной карьеры и семейного счастья рухнул на глазах и превращался в прах. И это при всём при том, что никакой его вины не было.

— А как вы объясните тот факт, что под задним сиденьем вашего автомобиля “BMW” седьмой модели следствием обнаружены два пакета с кокаином, общим весом полтора килограмма, и сто граммов героина? — майор

хищно прищурил глаза, точно собирался выстрелить по движущейся мишени. — Вы перевозили наркотики, употребляли их или являетесь дилером?

Андрей сделал удивлённые глаза. Что он мог ответить? Ничего.

— Это не моё. Я оставлял машину в автосервисе.

— Где, когда? — живо поинтересовался следователь и велел подробно описать свою встречу с владельцем ремонтной мастерской Жулебиным Виктором Степановичем.

Андрей постарался как можно точнее описать свой разговор с “другом детства”.

— Нормально, — прочитав его показания, удовлетворенно хмыкнул следователь. — Есть над чем подумать.

Через полчаса двери камеры с лязгом закрылись за Андреем.

Один и тот же вопрос не давал ему покоя: кто, а главное, зачем вырыл ему яму и заманил его в неё? Жаба? Да, скорее всего, он. Подбросил в “бэху” наркоту. Но с какой целью? Отомстить? За давнюю ли, новую обиду? Вряд ли. А вдруг бы Андрей сам обнаружил наркотики? Нашёл и вытряхнул в помойку, в мусоропровод? Выходит, Жабу попросили это сделать. Кто — неважно. Попросили те, кому он не мог отказать. Был у них на “крючке” или ему заплатили. И те, кто платил и просил, знали, что вскоре Андрея возьмут, арестуют, и он не успеет найти наркоту и спустить её в канализацию. Выходит, все они в одной связке: и Жаба с его наигранной радостью встречи, и мнимая подруга Ивана, заманившая и разыгравшая Андрея, как лоха. Он сразу отнёс предположение, что “актёрка” и “друг детства” Жаба знают о существовании друг друга и объединены тайной заговора. Вероятнее всего, их использовали втёмную. По одиночке. Чтобы в случае чего так же, по одиночке, и убрать. Любой свидетель, как изжога: хочется избавиться.

На следующий день Андрея перевели в знаменитую Бутырскую тюрьму.

— Неподражаемый Циркач? — всплеснул руками долговязый парень в воровских наколках по всему телу. В камере было душно, и он сидел в одних трусах. — Андрей Куренцов?

— С нами в одной камере? — не поверил худорёбный мужик в порванной тельняшке и возбуждённо потёр руки. — Братва, есть повод выпить!

Узнав о том, что Андрей хотел бы позвонить домой, он пошептался с коридорным “дубаком”, и тот за двести пятьдесят рублей дал свой мобильник.

Андрей отослал СМС: “Света, отзовись!” Молчок. Тогда он позвонил матери. Она всхлинула, услышав его голос, но тут же взяла себя в руки и сказала, что Света в больнице: Сонечку вновь поместили в бокс для тяжёлых пациентов.

— Мне сказали, что ты арестован. Тебя подозревают в серии домашних краж и убийстве какой-то девушки... — Ольга Владимировна снова заплакала.

— Не верь ничему, — успокаивающим тоном ответил он ей. — Нанимай адвоката, свяжись с руководством клуба. Это грубая инсценировка.

Ольга Владимировна позвонила Кучеру, чей домашний номер нашла в телефонном справочнике. Николай Николаевич встревожился не на шутку и сразу созвонился с Широглазом. Аркадий Львович не был брезглив в средствах для достижения цели и незамедлительно связался с нужным ему человеком.

— Вытаскивайте Куренцова, — сухо распорядился он, уверенный в том, что в жизни нет такой ситуации, которую нельзя использовать с выгодой для себя, но его командное распоряжение не возымело силы. Кто-то более влиятельный, нежели Аркадий Львович, был заинтересован в том, чтобы “Армада” оказалась обезглавленной: лишилась основного “забивальщика”.

Нанятый Кучером адвокат встретился с Андреем, с его матерью, пообещал всячески содействовать им в ходе предварительного следствия, но уже через два часа сослался на чрезмерную загруженность и срочно убыл в загранкомандировку. Охваченная недобрым предчувствием Ольга Владимировна кинулась в ближайшую юридическую контору и заключила договор с понравившимся ей адвокатом: женщиной лет пятидесяти с ранней сединой в красиво уложенных волосах и сочувственным взглядом.

— Держите меня в курсе событий, — попросила юрист. — Вам могут звонить неизвестные люди, угрожать, запугивать, требовать выкуп, провоцировать на совершение противоправных действий, окончательно запутывая следствие и усугубляя тем самым не только тягостное положение вашего сына, но и ставя под угрозу его выход на свободу.

— Всё так серьёзно?

— Времена такие, — ответила адвокат, не вдаваясь в подробности.

Глава третья

Несмотря на все старания матери и друзей, в выдаче Андрея на поруки было отказано, даже под большой денежный залог.

— Циркач, ты на крючке, — по-свойски сказал Федя-Судак, карманник из Таганрога, когда узнал о злонамеренной “подставе”. — Кабала свиданок обеспечена.

Вскоре Андрей увиделся с матерью. Ольга Владимировна выглядела сильно постаревшей и растерянной.

— Андрюша, — обратилась она с трудным для себя вопросом, — ты ничего от меня не скрываешь? Я должна знать правду.

— Нет, — повторил он твёрдо. — Я никого не грабил и не убивал. И никогда я не сознаюсь в том, чего не совершал...

Андрей попытался ободрить её, улыбнуться, но испугавшись, что улыбка выйдет жалкой и своей неуверенностью заронит в душу матери семя недоверия, буднично сказал:

— Честное слово.

— Ты не наркоман?

— Да что ты, мама! — отмахнулся он. — Если бы я сидел на игле, я уже башку бы рассадил о стену, выклянчивая дозу. Шизел от ломки. — Его смешливый, ласково-бодрый тон сразу успокоил Ольгу Владимировну, и она обрадовано улыбнулась:

— Слава Богу! Всё остальное можно пережить.

Из редких телефонных разговоров со Светой (мобильник ему давал контролёр следственного изолятора) Андрей узнал, что она шокирована и возмущена его дурацким поведением. Так и сказала: дурацким.

— Сам кашу заварил, сам и расхлёбывай.

Это было похоже на предательство. Ведь знала же она, знала, не могла не понимать, что он совершенно не виновен в том, что произошло, а всё равно упрекала, выговаривала. Словно хотела сказать, что не будь у него этой страсти — футбола, может быть, он был бы куда счастливее. По крайней мере, в браке. И не сидел бы сейчас, как идиот, в тюрьме.

— Ты всё сказала? — спросил он грустно.

— Всё, — ответила Света.

Андрей прислонился к стене. Он не мог понять, откуда взялась её нервозность, её досада на него и чёрствость? Он понимал, что она предана семье, но не ему. И это обижало.

Когда Андрей в первый раз не вышел на игру, журналисты кинулись к тренеру: “Что случилось с Куренцовым? Где он? Запил, загулял?” Их вопросы остались без ответа. Тогда журналисты занялись своим любимым делом: гаданием на кофейной гуще и сочинением баек. Интернет запестрел сообщениями о том, что Куренцова купил Абрамович, но сделка держится в секрете. Как скоро он появится в составе королевского клуба, никто не говорил. Одним словом, до тех пор, пока не выяснилась истинная причина отсутствия Андрея на футбольном поле, журналисты держались определённых рамок приличия, ссылаясь на то, что им было рекомендовано избегать “самодеятельности” в добывании “жареных фактов” и категорически запретили использовать информацию, добытую из интернета. Заодно посоветовали крайне осторожно комментировать и озвучивать реплики ведущих игроков “Армады”, равно как и её руководство.

По клятвенному уверению редакторов, спортивная пресса “никогда не поощряла бесстыдную ложь” и впредь намерена чинить ей препоны.

Врали, подлецы! Конечно, врали. Как только им стали известны истинные причины исчезновения Андрея, пресса заулюлюкала. “Более невежественного футболиста в истории отечественного спорта ещё не было”, — писала “Футбольная лига”. Вырос среди уголовников. Выкормыш Мариной рощи. В своём заявлении о зачислении его в команду мастеров сделал семь ошибок! (Кто бы их считал?) Единственным проблеском в его интеллектуальных пещерах можно считать тот факт, что он научился отвечать на все вопросы одной фразой: “Футбол не балет”.

Все спортивные газеты, все бульварные издания с возмущением и гневом описывали богемную жизнь вора-домушника и законченного наркомана Куренцова, не жалея красок и мрачных тонов. Бульварные газеты Москвы, спортивные еженедельники и телевизионные каналы, не говоря уже об интернете, не замедлили сообщить об аресте “вчерашнего кумира миллионов”, а ныне “убийцы и наркомана” Андрея Куренцова, сочинив сенсационные заголовки. Кричаще-броские и цинично-подлые.

“Оборотень в футболе”. “Звезда на игле”. “Форвард — маньяк”. Заголовки с каждым днём становились крупнее, а статьи — разоблачительней. Ни о какой “презумпции невиновности” речь не шла. Появились даже интервью с бывшими подружками Андрея. Больше всего ему нагадила Дашка. Отомстила. Не смогла простить сделанного им выбора, его скоропалительной любви с первого взгляда. Она назвала три или четыре десятка женских имён, чьи обладательницы якобы пострадали в своё время от сексуальных домогательств Андрея. Охранники ночных клубов и казино, ни разу не видевшие Андрея, кроме как по телевизору, тоже ухитрились “зашибить деньги”, сочиняя байки про его скандалы и драки с посетителями. Оказывается, чуть ли не все работники милиции наряду с инспекторами ГИБДД стойко терпели его “бытовое хамство и страсть к рукоприкладству”. Не счастье сбитых форменных фуражек, не пришить всех сорванных им погон, не утереть всех оплёванных и не отомстить за всех оскорблённых. Как говорится, никто так искусно не изображает жертв насилия, как уличные проститутки. На чужом несчастье многие хотят подзаработать.

Газетчики не оставляли в покое и Светлану, осаждая её во дворе дома или онкологической клиники, где тихо угасала её дочь.

— Какой позор жить с таким мужем! — фальшиво-сочувствующим тоном восклицали тележурналистки и старались показать крупным планом измождённое бессонницей лицо Светланы, в заплаканных глазах которой стоял страх перед людьми.

Воздух вокруг неё, как и вокруг личной жизни Андрея, был пропитан смрадом наживы и откровенной травли. Ату его, ату! Прессинг шёл по всему полю. Вчерашнего кумира втоптывали в грязь.

Андрей на личном горьком опыте узнал, что у толпы любимцев нет, она любит лишь себя саму. Ложь пугает людей честных, но радует всех остальных. Если раньше он думал, что слава — купель блаженства, то теперь он точно знал — это котёл с кипящей смолой.

Андрея вызывали на допросы, сверяли его показания с показаниями лжесвидетелей, якобы видевших, как он уводил свою “жертву” в лес, склоняли к самоговору.

— Раньше сядешь, моложе выйдешь. Сделка со следствием смягчит участь на суде.

Всякий раз, беседуя со следователем, Андрей понимал, что тот расставлял “флажки”, пытаясь затравить его, как волка. Загнать если не в яму, то в капкан, в ловушку.

— Всё против тебя, — сказал следователь при очередном допросе, словно замкнул круг, увешанный красными тряпками. — Готовься к червонцу, как минимум.

— Я стану защищаться, — твёрдо ответил Андрей, поверивший в профессиональную порядочность своего адвоката, заверившего, что его дело в суде непременно развалится.

— Догадываюсь, — ухмыльнулся дознаватель и обнажил клыки. Он словно знал, что у Андрея нет никаких шансов оправдаться в суде. Интрига

была сплетена не им, ему лишь позволили затянуть узел потуже, так, чтобы потом не развязать и не распутать. Даже тогда, когда говорить Андрею стало совершенно нечего, допросы не прекратились. Следователь продолжал “обхаживать” его в прямом и переносном смысле: вставал за спиной и бубнил-зомбировавал.

— Признание облегчит твою участь.

— Мне признаваться не в чем, — отвечал Андрей и умолкал. Его вновь отправляли в камеру.

— Руки назад, плечи вперед — пошёл!

Следственный изолятор казался многоэтажным многосемейным общежитием с множеством железных дверей, межлестничных пролётов, затянутых панцирной сеткой, неисчислимыми постами надзирателей и бесконечно длинными, тягостно-гулкими коридорами с решётчатыми переборками.

Сначала Андрей считал про себя двери камер, число ступеней, лестниц, перемычек, встречающихся на пути, чувствуя себя не столько заключённым, сколько экскурсантом в хитроумном лабиринте, способном не только запутать, сбить с толку, но и стреножить любого, кто подумает о воле, рванётся на свободу, но потом сбился со счёта. Острота ощущений исчезла. Он теперь чисто механически воспринимал металлические прутья, решётчатые калитки, лязгающие замки. Угрюмые, сваренные из листового железа двери. Словно сам стал железным и трудно поддающимся нажиму. Раньше он и представить не мог, что способен будет жить в таком подлом “режиме”: допросы, очные ставки, показания каких-то тёмных личностей, которых он и в глаза никогда не видел, но те божились, что скупали у Андрея краденое. Вот уж верно: в тюрьме башку проломишь, а правды не найдёшь.

Иногда ему казалось, что “заказ” пошёл от самого хозяина “Армады”, про которого говорили разное, намекая на его патологическую жадность и влюбчивость. А что, как ему приглянулась Светлана? И он решил упрятать его за решётку? Развязав тем самым себе руки? От одной этой мысли Андрею становилось дурно. Он не представлял свою жизнь без Светланы. Но, с другой стороны, увещевал себя Андрей, какой резон владельцу “Армады” лишаться футболиста, который делал игру, делал “кассу” клуба? Андрей — первая скрипка в оркестре виртуозов. Разве ему станут подпиливать струну, чтоб она лопнула в первой четверти концерта? Муть всё это. Глупость несусветная. Заказал его кто-то другой, но вот кто?

Глава четвёртая

За те полгода, что Андрей провёл в следственном изоляторе, с конца июля по январь, он неплохо изучил тюремный быт и нравы заключённых. Незадолго до окончания следствия его перевели в другую камеру, повыше этажом и чуточкой просторней, где сидели “серьёзные люди”. Лёха-гопник, мужик лет сорока с воровскими “перстнями” на пальцах, деловито спросил.

— По какой статье?

— Грабёж, убийство.

— Лихо, — с ноткой сожаления в голосе произнёс блатной.

Андрей хотел сказать, что никого он не грабил и не убивал, что его подставили, но потом решил, что много говорить — себя не уважать, и промчал. Не успел он разложить свои вещи, как его повели на допрос. Он привычно заложил руки за спину и демонстративно ссутулился: готов идти и выполнять приказания “вперед”, “лицом к стене”, “короче шаг”.

Корпусной надзиратель повёл его вниз по боковой лестнице. Знакомый дознаватель на этот раз был чрезвычайно корректен.

— Андрей Юрьевич, — обратился он к нему вполне официально, — я уполномочен заявить, что обвинение вас в убийстве гражданки Паниной Т. В. на сегодняшний день не актуально.

— Поймали настоящего маньяка?

— Будем считать, что так, — сухо ответил майор, хотя обычно приходил в штатском костюме. — Истинным убийцей оказался бывший одноклассник жертвы, который видел, как она вышла из вашей машины возле станции

метро “Новослободская”, обезумел от ревности, пригласил её на прогулку в лес, надругался над девушкой и задушил её. Он сам во всём сознался, изложил письменно, перед тем как покончить с собой. Так что радуйся, что сам её не тронул, — неожиданно перешёл он на “ты” и глумливо хмыкнул. — Сейчас бы на тебя повесили все изнасилования в районе за последние пять лет. Проходил бы по делу как серийный маньяк. Тема модная.

Андрей даже вперёд подался, ловя каждое слово следователя, веря ему и не веря.

— Меня освободят из-под стражи?

Тот понял его радостное ожидание и постарался его погасить.

— Этого не будет. Просто переведут в другую камеру и выдадут на руки все документы, на которые ссылаются во время судебного процесса сто-роны или суд.

Лицо Андрея потускнело. Его мечта попасть домой была раздавлена официальным отказом. Больше всего обрадовался новости адвокат.

— Самое страшное обвинение с вас снято! Спокойно дожидайтесь суда и не поддавайтесь унынию. Всё будет хорошо.

Но то, что сообщила Ольга Владимировна, не шло ни в какое сравнение со всеми его злоключениями.

— В четыре часа ночи умерла Сонечка.

— Как умерла?

В комнате свиданий было холодно, и нервная дрожь, прохватившая Андрея ознобом, заставила зажать ладони меж коленей. Он отказывался что-либо понимать. Сознание не воспринимало информацию.

Ольга Владимировна поднесла к лицу платок. Меньше всего она хотела расстраивать сына, но обязана была сказать ему всю правду.

— Крепись, сыночек.

У Андрея в глазах потемнело. Он не хотел верить, но верить приходилось. Эту страшную весть принесла ему мать. Значит, всё так и есть. У него больше нет его “манюночки”. Она была слишком маленькой, слишком хрупкой для такого невыносимо-тяжкого заболевания, как рак крови. То, о чём он боялся подумать, свершилось. Сердце сжалось так, что потекли слёзы. Ему впервые стало дурно. Он старался быть хорошим мужем, любящим отцом, но что-то у него не получалось. Ещё вчера он готов был пережить и вытерпеть любую боль, всякую несправедливость, лишь бы Сонечка выздоровела, а теперь, теперь... Жизнь теряла всякий смысл, представлялась издёвкой. Теперь он точно знал, что после смерти дочери ничто не потрясёт его и не заставит лезть на стену. Пик волнений пережит. Впереди — пустыня.

По ночам из его глаз текли слёзы, и он ничего не мог с ними поделать. Он явственно слышал голос дочери, она звала его: “Па-па!”

Через несколько дней Андрею объявили, что завтра повезут на суд.

— Кость ей в глотку, этой суке с погонялом “Москва”! — злобно выругался Лёха-гопник, много чего повидавший в своей жизни. — Чего можно ожидать от продажных судей?

Несмотря на то, что Андрей не признал своей вины и в своём заключительном слове просил не лишать его свободы, суд определил: “Приговорить гражданина Куренцова А. Ю. (по совокупности преступлений) на пять лет без поражения в правах с отбыванием срока наказания в исправительно-трудовом учреждении общего режима”.

Глава пятая

После ужина Андрея забрали на этап, обыскали под привычные команды: “Присядь, нагнись, раздвинь ягодицы”, — сводили в баню, велели одеться и закрыли на первом этаже — дожидаться тюремного транспорта. Опытные зеки забились в углы, присели на корточки. Многие из них закурили.

В двенадцатом часу этапникам вручили по буханке чёрного хлеба и вывели во двор, где уже стояли “автозаки”. На капоте одной из машин грелся чёрный кот.

— Во, лимон архангельский! — хлопнул себя по штанам гнилозубый зек. — Устроился.

Кто-то засмеялся. Начальник конвоя, брюхатый капитан с разгорячённо-красным, мясистым лицом, выстроил заключённых в две шеренги, произвёл переключку, насчитал двадцать шесть гавриков, сверился со списком, и конвоиры, образовав коридор, стали настороженно следить за погрузкой. Их указательные пальцы легли на спусковые скобы автоматов. Под угрожающий рык овчарок и лающий приказ: “Следующий — пошёл!” — Андрей нырнул в холодное нутро заплёванного “воронка”.

— Не переживай, — сказал Андрею гнилозубый зек, когда их выгрузили на вокзале. — Зима-лето, зима-лето, и два года в бюллетень.

В зарешённом вагоне для перевозки осуждённых они снова оказались рядом. Андрей потеснился и стал смотреть в окно. Ему до горловой спазмы, до внутреннего всхлипа захотелось увидеть родные лица: матери, Светы, лица друзей, но взгляд упирался в стены вокзальных строений, в груды почерневших шпал и потерянно скользил по мёрзлым лужам. Вдоль перрона змеилась позёмка. Санитары торопливым шагом пронесли какой-то ящик.

— Для “жмуров”, — пояснил сосед, тоже засмотревшийся в окно. — Кто-то дуба врезал, — добавил он радостным тоном, словно откровенно позавидовал покойнику, сумевшему скотить срок лишения свободы и “откинуться от хозяина” с пометкой: “За примерное поведение”. Казалось, что в груди у гнилозубого соседа дырка: дышал он со свистом. В горле булькало.

Андрей вздохнул. Не далее, как полгода назад, солнечным, жарким июлем он возвращался после игры и ликовал — у него было всё: любимая жена, ребёнок, деньги. Много денег. Громкая слава, верные друзья. Ничто не могло поколебать его убеждённости в том, что он “застолбил” счастливую жизнь на много лет вперёд и собирался показать на предстоящем чемпионате мира, как намывают золотишко в пределах футбольного поля. Не зарываясь в землю с головой. И его ничуть не обижала насмешка Светланы: “Дурак думкой богатеет”. Он знал, он был уверен: всё будет хорошо, ведь чем крупнее замысел, привлекательней мечта, тем безразличнее чьё-то мнение. А на деле вышло так, что выхватили его из жизни, выдернули! Так проворно и нагло выхватывают мобильники из рук полусонных пассажиров в метро или ключи из машины, если стекла опущены. На деле выходило, что успеху успеху рознь. Одному успех несёт благополучие, а другому — лишения; для одного он, как медвежья шуба на морозе, для другого — дырявый зонтик в ливень, когда гремит гроза и лупит град величиной с куриное яйцо.

Вагон дёрнулся и медленно покатился по рельсам. В голове Андрея крутилась чья-то строчка: “Уезжая от тебя, остаюсь с тобою”. Он, не переставая, думал о Светлане.

— Чуваки! — раздался чей-то балаганный голос. — А здесь кайфово, как на дискотеке.

Его “прикол” остался без ответа. Опытный зек тем и отличается от новичка, что всё видит и всё слышит, но делает вид, что ничего не видит и не слышит, как усопший глухонемой слепец. Меньше знаешь, крепче спишь.

Андрей смотрел в окно, провожал глазами панельные пятиэтажки и кирпичные “высотки”. За тонкими щелявыми шторами, плотными занавесями и тяжёлыми гардинами светились лампы кухонь, спален и уютных семейных гостиных. Убегали вдаль уличные фонари, собирались в цепочку огни автомобилей, заполонивших шоссе. Кто-то отмечал домашний праздник, кто-то спал, сидя перед телевизором, или курил на балконе, бездумно глядя на проходящий мимо почтово-багажный поезд, в котором было несколько вагонов с зарешёнными окнами. В одном из них смутно отражалось лицо Андрея, притиснутого к стеклу мрачными, прокуренными зеками.

Мысли о доме, о своей семейной жизни возвращали его в прошлое, рисовали будничные сцены, как приятные, так и не очень, напоминали сердцу о забытых днях с чередой удач и разочарований, грусти и восторга. Если и была вина Андрея, так только в том, что он имел прямое отношение к футбольному клубу “Армада”, принадлежал ему на правах собственности и уже из-за одного этого был ненавидим теми, кто стремился уничтожить конкурента

любимым способом. Да, Андрей был успешен, необыкновенно удачлив, ему откровенно завидовали. Да и как не завидовать, когда жена — красавица, и он — везучик, фаворит, и дочь — чудный ребёнок, просто ангелочек — нет, так не бывает! Жизнь не любит сказок. Аккорды свадебного марша не громче похоронного, не громче. И, словно в подтверждение этих горестных мыслей, колеса почтово-багажного неистово загрохотали — поезд втянулся на мост.

“Теперь, — с непроходящей болью в сердце подумал Андрей, — я всегда вынужден буду говорить, что моя первая дочь умерла, и умерла тогда, когда я чалился в Бутырке”.

Он даже не заметил, что изъясняет свои мысли на воровском жаргоне.

Через два часа почтово-багажный прибыл во Владимир, где этап разместили в “пересылке”. Здесь, как и в любой тюрьме, одно и то же. Снова “шмон”, дежурные команды: “Присядь. Стань раком. Одевайся”. Вечером Андрея вместе с двумя заключёнными отправили в Ростов. Гнилозубый пожелал ему скорейшего освобождения и наставительно сказал:

— Держись особняком, и всё будет ништяк. Одиночек не терпят, но их уважают. Запомни. Такие парни, как ты, при дороге не растут. Курень — это, считай, твоя фамилия, а Циркач — народное звание.

Он хрипло рассмеялся, в груди у него засипело, а у Андрея потеплело на душе. Мир не без добрых людей.

После ростовского “белого лебедя” его ждала пятигорская “крытка” и зона — лагерная жизнь. Собаки рвались с поводков, конвоиры передёргивали затворы “АКМов”. Звучал триумфальный аккорд славы.

Глава шестая

Находясь в карантине, Андрей дважды назначался дневальным и убирал территорию “санпропускника”: выгребал мусор из “общаги” и драил полы. “Блатные” чурались подобной работы, оставляли её “мужикам” и “бакланам” — всем тем, кто получил свой срок за бытовые преступления и мелкое хулиганство. Через неделю его вместе с остальными новичками согнали в тесную комнату лагерной администрации, где заседала комиссия по распределению этапа. Возглавлял комиссию начальник колонии: дородный подполковник с рыжеватыми усами — “хозяин” зоны. Шмелёв. По всей видимости, он уже знал, что в новой группе заключённых есть редкая птица, и, перебрав пачку личных дел, вызвал Андрея.

— Осужденный Куренцов. Встать!

Андрей поднялся раньше, чем прозвучала команда, и смело посмотрел в его настырные глаза.

— Чему обучен?

Вопрос прозвучал издевательски. В самом деле, а что Андрей умеет делать, кроме как бить по мячу? Раньше он гордился выбранной “профессией”, делал всё, чтобы стать лучшим, первым, единственным и незаменимым, достойным похвал и удивления, а теперь выходило так, что и сказать нечего. Он чмо болотное, обсевок лагерный.

— Машину водить, — после короткого замешательства вспомнил Андрей и устыдился тому, что впервые в жизни изменил футболу, публично отрёкся от единственной неистребимой страсти. “Машину водить” сказал он так, словно внезапно охладел к футболу, разглядел его невидимые раньше недостатки или почувствовал влечение к чему-то более надёжному и совершенному.

— Машину, — почти нараспев протянул подполковник и, побарабанив пальцами по столу, недобро ухмыльнулся. — Будет тебе машина: “лэбэче” называется. — Видя, что Андрей его не понимает, разъяснил. — Лошадь, бочка и черпак. По-нашенскому: говновозка. Устраивает?

Андрей помотал головой:

— Для этого другие люди есть.

— Западло? — окрысился капитан, оказавшийся начальником режимной части.

— Нисколько. Просто при моей “физике”, — Андрей расправил плечи, обращая внимание комиссии на своё могучее телосложение, — занимать место лагерного доходяги безответственно.

— Похвально, — криво усмехнулся майор с воспалёнными веками, всем своим видом показывая, что ничего похвального в отказе осуждённого Куренцова нет и быть не может.

Начальник колонии повернулся к седовласому соседу, сидевшему от него по правую руку:

— Валентин Евгеньевич, тебе на производстве работники нужны?

Тот обрадовался:

— Очень! — и ободряюще посмотрел на Андрея. — Устал я от блатных сачков. План давать некому.

— Ладно, — словно соглашаясь с его доводом, прихлопнул по столу ладонью начальник колонии и велел записать: “Осуждённого Куренцова поместить в третий отряд, испытать на лояльность и отправить на кирпичный завод”. “Испытать на лояльность” — это посадить на говновозку.

Андрей стиснул зубы и сел. Для себя он уже решил, что тяжёлый труд — это нормально, а ЛБЧ — прямое издевательство.

Он не знал, да и догадаться не мог, что в его личном деле, прошитом суровой нитью и скреплённом миноустовской печатью, имелась прокурорская приписка, гласившая о том, что “в связи с нераскрытостью особо опасного преступления считать впервые осуждённого Куренцова А. Ю склонным к побегу и подлежащим оперативной разработке”.

Обустроившись в спальном корпусе, Андрей обречённо мотнул головой и, чтобы не наложить на себя руки, вышел на улицу. Ничего отрадного для себя он там не нашёл. Унылый колючий забор, вышки с часовыми, чёрный дым, валивший из трубы котельной, сажка на истоптанном снегу. Февраль, ранние сумерки, тоска.

Глава седьмая

После “проверки на прочность” Андрей попал на кирпичный завод. Возили туда на хлипких, истрёпанных автозаках, чьё место давно было на свалке областной базы вторчермета, среди ржавого металлолома.

Андрея приставили к тачке — возить кирпич. Как сырец, так и “обжиг”. К концу смены руки от усталости становились неподъёмными, а ноги подгибались. Может, ему и легче было бы втягиваться в каторжно-тяжкий ритм налаженного производства, если бы не письмо матери, в котором она сообщила, что Светлана подала на развод, и суд сразу пошёл ей навстречу. Андрей ещё раз перечитал письмо и рухнул на кровать. Удар исподтишка всегда больнее.

Тысячу не тысячу, но добрую сотню ночей он не мог уснуть из-за горя и обиды, из-за ухода Светланы, из-за смерти дочери. Из-за всего того, что с ним произошло. Поверить в то, что Светлана покинула его и больше никогда не вернётся, было выше его сил. Даже справка о разводе, полученная им по почте, казалась нереальной. Он впервые — всерьёз! — осознал, что планировать что-либо в жизни бессмысленно. Ревность? Её почти не было. Накрыла волной, притопила, протащила по донным камням одиночества, ссадила сердце и выбросила на сушу — на лагерную “шконку”. И теперь, в обнимку с казённой подушкой, под гнётом судьбы, наедине с чувством утраты и жуткой опустошённости он вспоминал, как хотел видеть Светлану своей женой и как был счастлив, вынося её на руках из загса.

Андрей ворочался в постели, не знал, куда деть натруженные руки, как удобнее положить, чтобы они не болели, и думал, думал о том времени, когда они со Светланой были по-настоящему счастливы, когда ключ их семейного счастья держала в своих маленьких руках Сонечка. Её не стало, и пропало счастье. Ключ канул в пустоту, в провал минувшего.

Сознание того, что судьба жестоко посмеялась над ним, что жизнь пошла по ненастно-вязкой, чужой колее, всё больше и больше угнетало его, захлёстывало мукой безысходности, которая омрачала душу и не обещала для

него в будущем ничего путного. Он понимал, что, упрятанному за решётку на долгие годы, обречённому на тяжкий подневольный труд и полугодное существование, резко подрывавшие его здоровье, ему трудно будет наверстать упущенное. Спортсмены, утратившие навык игры, никого не интересовали. Мир жесток и практичен донельзя. Раньше Андрей чувствовал себя неотделимой частицей своей команды, а теперь ему казалось, что он пыль на ветру. Со всеми присущими ей качествами. И тогда он впал в оцепенение. Всё становилось безразличным. План “выживания”, составленный им для самого себя, казался наивным, а жизнь представлялась пустой и никому не нужной. В такие минуты даже письма матери, которые Андрей любил перечитывать, уносясь мысленно в Москву, в своё детство и юность, хотелось срести в один ком и непременно сжечь. Если у него ничего нет, кроме душевной боли, то пусть ничего и не будет. Он был вне игры, а значит, вне жизни. Чистый офсайд и аут. В своей арестантской робе он вынужден был чувствовать себя изгоем, парией, тюремным узником, отверженным благополучным обществом, униженным теми не известными ему людьми, которые считали себя особенными, не похожими на других и, прежде всего, на таких, как он, Андрей Куренцов — человек с непонятной профессией бывшего игрока в футбольном клубе.

Глава восьмая

Как только мартовское солнце согнало снег с пригорков, начальник третьего отряда старший лейтенант Николай Рябых с готовностью взялся помогать Андрею в организации лагерного чемпионата по футболу после того, как он дал согласие возглавить спортивно-массовый сектор колонии и приступил к тренировкам. Когда Андрей впервые за долгое время ударил по мячу, сердце сразу отмякло, как в тот день, когда Андрея первый раз повели на свидание с матерью. Ему тогда казалось, что за этой встречей непременно последует его освобождение. Вот такое наивно-глупое, чисто детское, с годами позабытое чувство радости и защищённости охватило его в тот момент: мама рядом — беда за порогом. И он как бы очнулся от болезненного забвения. “Стоп, — сказал он себе, — а разве меня не учили правильно падать, чтоб кости не переломать, внутренности не отбить? Разве не учили тотчас подниматься и вступать в игру, если руки-ноги целы? Учили? Вот и действуй!” На него накатила такая волна воодушевления, как будто его просьба о пересмотре судебного решения не только учтена, но и принесла освобождение.

Участники предстоящего турнира покрасили футбольные ворота, привязали к ним сетки и с удовольствием дурили по мячу, совсем не опасаясь, что тот улетит в “запретку”. Зек дуркует — все балдеют. И это понятно: будь жизнь радостней, люди меньше бы хохмили.

Мать писала, что здоровье её пошатнулось: стали беспокоить боли в сердце и головокружения. Пожаловалась она и на то, что Светлана уже не общается с ней. Попытки наладить отношения после развода, хотя бы в память Сонечки, не увенчались успехом. Сама Света ни разу не позвонила, не поинтересовалась, как она живёт, что слышно от Андрея?

Он горько усмехнулся и утвердился в мысли, что любовь слепа, а судьба пристрастна. Трудно пережить одиночество, и всё-таки его переживают. Но для чего? Чтоб вновь играть в футбол?

Летний тур российского чемпионата “Армада” открывала в Казани. Об этом Андрей случайно услышал от библиотекаря, когда возвращал ему “Красное колесо” Солженицына. Сердце дрогнуло, душа рванулась, но Андрей вернул её на место. Цыть и нишени! Никаких фантазий. Наигрался. Он чувствовал, что свисток судьбы на поле отныне будет восприниматься им, как окрик надзирателя в тюрьме: “Лицом к стене”! Жёлтая карточка напомнит приказ: “Руки за спину”, а красная — команду при шмоне: “Раздвинь ягодицы”. Да и само футбольное поле будет представляться узкой тюремной камерой со сводчатым потолком, тусклой лампочкой в железной обрешётке и грязным унитазом в заплёванном углу.

В выходные дни Андрей натаскивал сборные команды зональных отрядов. Им даже названия придумали. Команда восьмого отряда стала именоваться “Багирой”, пятого — “Ястребом”, а команда третьего отряда получила гордое название “Прогресс”.

Николай Рябых с радостью сообщал, что в лагерную библиотеку зачастили зеки. Всем хотелось взять старую подшивку “Спортивных новостей” и лично убедиться, что лучший нападающий Европы, капитан сборной России по футболу чалится вместе с ними на “зоне”. Убедившись, что Циркач из третьего отряда в самом деле похож на фотографию в газете: “В натуре он! Ты чо, козёл, не понял?” — многие блатные стали первыми здороваться с Андреем за руку, а “зачуханные” приветливо кивали, держась особняком, в сторонке.

Тренируя каждую команду в отдельности и знакомясь с их составом, Андрей неожиданно узнал, что в девятом отряде отбывал наказание за пьяную драку его сверстник, двадцатилетний полузащитник из ставропольского “Сенгилея” — ловкий, быстрый, заводной Никита Бичурин, а на место левого крайнего в команде первого отряда заступил хоккеист из псковской “Шелони”. Он сам признался, что сел за решётку по собственной глупости: провёл из Голландии в Россию новомодную косметику, представлявшую собой хитрую смесь героина и легко растворимого в спирте безвредного геля. Типичная подстава. Андрей сразу вспомнил Жабу, предлагавшего ему по дружбе стать нелегальным курьером.

Второго июня, в субботу состоялись первые матчи на первенство зоны. Судейство на себя взял заместитель начальника колонии по режиму капитан Уткин, заядлый болельщик и знаток футбольных правил. Для администрации колонии и почётных гостей соорудили трёхступенчатую трибуну, сколотив её из отходов местной мебельной фабрики.

Колонийское кабельное телевидение регулярно транслировало прямые репортажи захватывающих поединков. Равнодушных не было. А тут ещё по центральному телеканалу “Спорт” транслировали повтор финального матча прошлогоднего первенства Европы. Когда Андрей забил свой решающий гол, зеки прыгали до потолка. Знай наших! Андрей устал пожимать руки. Но вот на вопрос, сколько матчей он провёл в составе сборной, не ответил. Мужичательно вспоминал, но так и не вспомнил.

В первой же встрече с “Багирой” — командой восьмого отряда — Андрей получил жесточайший удар по ногам. Соперники явно приветствовали индивидуальный террор, забыв о принятом парламентом законе “Об экстремизме”. Нервы дымили. Каждый тянул на себя лоскутное одеяло удачи.

Не менее агрессивной оказалась и команда пятого отряда, вышедшая на игру в футболках с изображением хищного ястреба, нанесённым с помощью трафарета и строительными белил. Они сразу дали ощутить, что это не газон чемпионата, а поле Куликово. Не хватало только убиенных.

— Ну, ты, облизана! — ударил по руке наглого защитника “ястребов” разгорячённый игрок третьего отряда. — Зачуханю.

Это называется — сказал без всякого намёка. А что делать? Без прессинга игру не переломишь. Андрей потёр ушибленную ногу, захромал и усмехнулся: раньше он играл против титулованных соперников, а теперь играет против татуированных. Игра в неволе была ему скучна. Радости не доставляла. Тягостно было бегать за мячом, тягостно кому-то отдавать, финтить, ловчить, стремиться забить гол. Он устал не от грубой игры, а оттого, что не давал себе играть в полную силу.

После того, как команда третьего отряда, возглавляемая старшим лейтенантом Николаем Рябых, завоевала первенство, “пахан” зоны первым пожал Андрею руку, возвысив тем самым его в своём мнении. Вместо приза команде вручили двухведёрную “отпидорасенную” до зеркального блеска кастрюлю, наполненную апельсинами, и устроили праздничный ужин. На столах появилось жаркое из свинины с овощами, выращенными лагерными огородниками, литровые бутылки с квасом — одна на двоих — и настоящий именинный торт, украшенный кремовыми купидонами, пинающими шоколадно-ореховый мяч величиной с двухпудовую гиру. Сводный зональный оркестр исполнил в честь

призёров “День Победы”, а затем, раздухарившись, музыканты сбацили шансон:

*Вы говорили мне — все люди сволочи,
А я не верила — любила вас...*

В областной газете “Губернский вестник” появилась восторженная статья о проведённом в колонии первенстве по футболу “среди тех, кто остушился”. В числе организаторов, принявших самое деятельное участие в подготовке соревнований и спортсменов, значилось много фамилий, кроме звонкого имени Андрея Куренцова...

Эпилог

— Как ты там, сыночек?

— Всё нормально, мам! — бодро ответил Андрей, прижимая к уху мобильный телефон. — Меня расконвоировали, перевели в другой отряд.

Спустя три года после его заключения под стражу в теленовостях мельком сообщили о разбившемся на Алтае вертолёте с двумя членами правительства и одним олигархом, вылетевшими на охоту в горный район. Следственная комиссия установила, что падение вертолёта произошло из-за внезапной остановки двигателя. Фамилии погибших не сообщались, но буквально на следующий день после трагедии начальник колонии подполковник Шмелёв вызвал Андрея к себе и официально сообщил, что включил его в список заключённых, подлежащих досрочному освобождению.

— Сделал бы это раньше, да не мог, — сказал он доверительно. — Начальство противилось.

Услышав эту новость, Андрей долго не мог прийти в себя от охватившей его радости. Наконец-то! Ему не верилось, что большую часть срока он уже отбыл, что, возможно, в марте или же в апреле он покинет зону, выйдет за её ворота и вдохнёт воздух свободы. Скорей бы. Он уже рвался на волю, как раньше — к воротам противника: азартно, безоглядно. А дни, словно в насмешку, тянулись убийственно медленно. Чтобы хоть как-то ускорить их бег, он стал чаще звонить Ивану, который сообщил, что дал согласие играть за “Армаду” в новом сезоне, предварительно договорившись с Ефимом, что тот тоже вернётся в родную команду, как только истечёт срок его японского контракта.

О том, что Андрею надо зайти в спецчасть, получить справку об освобождении и готовиться на выход с вещами, первым известил Николай Рябых.

— Подпишешь обходной лист, переоденешься и дуё на КПП.

Задержавшись на крыльце административного здания, Андрей глубоко вдохнул весенний воздух, сдвинул на затылок чёрную шапку-ушанку и ещё раз перечитал справку об освобождении со своей фотографией, приклеенной в верхнем углу. Стриженный “под ноль”, с глубоко запавшими глазами, он показался себе старым и угрюмо-непохожим. “Чмо болотное!” — выругался он, глядя на своё изображение, и аккуратно спрятал самый важный в его жизни документ во внутренний карман зоновского “лепёя” — бушлата.

Сдав постельное бельё, Андрей ещё раз проверил содержимое своей лагерной тумбочки, выгреб из неё ненужный хлам, оставил соседу пачку конвертов, две тетради в клетку, десяток авторучек и лишний тюбик зубной пасты. Ему хотелось как можно скорее покинуть спальный корпус с его междурядьем кроватей, тумбочек на двоих и спёртым запахом неволи. Когда-то его упекли за решётку, а теперь великодушно выпустили — освободили досрочно. Уж не новую ли каверзу готова в предстоящей жизни? Он пережил любовь, перенёс горе, изведаль вероломство. Справился с тяжёлым грузом одиночества на людях. И теперь ему хотелось обо всем забыть, покинуть колонийскую “общагу” как можно скорее, и всё же он медлил, понимая, что часть его жизни, его молодости протекла именно здесь, где столько передумано зимними холодными и бесконечно душными июльскими ночами.

— Вали, Циркач, не трави душу! — грубовато напутствовал его дневальный, и через десять минут Андрей получил традиционный пинок под зад

дежурного на КПП — чтоб “летел, гундел и не оглядывался”! Не возвращался больше в “зону” никогда.

Андрей прикрыл за собой дверь, передавшую руке тяжесть листового металла, и поправил на плече сумку с вещами. Ну, вот! Он на воле. На воле... С ума сойти можно! Как будто не было ареста, следственной камеры, суда, лагерных “шмонов” и лая овчарок, не было ничего, к чему он вроде бы привык и что его гнетуще донимало. Колония, в которой его содержали как взятого преступника, где ему довелось узнать превратности и ухищрения лагерной жизни, — это не что иное, как миф, кошмарный сон, густой туман весеннего рассвета. Взошло солнце, и мир озарился, вновь обрёл своё величие. Может, “зона” где-то и существовала, но только не в судьбе Андрея. Да её никогда и не было, этой самой “зоны”, если смотреть вперёд, на ряд столбов, стоящих вдоль дороги, на синий лес вдали и облака над ним.